

шіяся на голубомъ фонѣ неба. О, прекрасный городъ-мечта, гдѣ находили обиталище высочайшіе полеты духа—наряду съ крайними проявленіями порока—гдѣ ради красоты страдало, боролось и гибло такъ много человѣческихъ сердецъ, гдѣ жили и смѣхъ, и агонія, и слезы, гдѣ страстно любили свободу и умерщвляли ее, и гдѣ любовь искупала тысячу преступленій, я, хотя и англичанинъ, заплакалъ, любуясь тобой, потому что въ этотъ историческій день красота твоя не была уничтожена.

ГЛАВА V.

НАЧАЛО ОТЛИВА.

1.

Нѣмцы не дошли до Парижа. Даже теперь, вспоминая прошлое, я иногда задаюсь вопросомъ, почему они уклонились вназпно къ юго-востоку, минуя свою цѣль. Только для Парижа они пробивали свой путь къ западу и югу, сражаясь непрерывно отъ Монса и Шарлруа до Сенъ-Кантена и Амьена и дальше у Крэля и Компіэня, не щадя человѣческой жизни, какъ будто она была только соромъ для помойной ямы. Ихъ награда, Парижъ, великій и прекрасный Парижъ, казалось, уже былъ въ ихъ рукахъ, и вѣсть о его паденіи раздалась бы какъ роковой ударъ грома для французскаго и британскаго народовъ, донесшись до Россіи, какъ убійственное доказательство могущества Германіи.

Какъ я сказалъ раньше, весь сѣверо-западный уголъ Франціи былъ обнаженъ отъ войскъ за исключеніемъ немногихъ территоріальныхъ солдатъ плохо обученныхъ и плохо вооруженныхъ, на которыхъ никогда и не надѣялись, что они могутъ выдержать напоръ императорскихъ войскъ, наступающихъ цѣлыми ордами съ массой артиллеріи, при приближеніи которыхъ бѣдныя территоріалисты бѣжали подобно овцамъ въ паникѣ. Форты Парижа съ западной стороны не выдержали бы и полъ-сутокъ противъ нѣмецкихъ пушекъ. Вся лихорадочная дѣятельность по сооруженію траншей была только горестнымъ доказательствомъ неподготовленности Парижа къ защитѣ. Непріятель смялъ бы ихъ на подобіе грознаго прилива. Маленькая британская армія еще держалась, но потери ея были тяжелы, и она еще не оправилась послѣ ея поспѣшнаго отступленія. Армія Парижа ждала битвы и сражалась бы до послѣдняго человѣка, но безъ поддержки со стороны другихъ армейскихъ корпусовъ, находящихся за день пути, ея положеніе было опасно, и если бы правое крыло непріятели было брошено на нее со всей силой, она могла бы быть раздавлена и уничтожена. У фонъ-Клука было въ распоряженіи двадцать четыре часа. Если бы онъ воспользовался этимъ временемъ, прежде чѣмъ Жоффри пришелъ со своими полками на выручку, нѣмецкіе сапоги застучали бы отъ Place de la République до Place de la

Concorde, и нѣмецкія лошади были бы поставлены въ Palais des Beaux Arts. Я убѣжденъ въ этомъ, потому что я видѣлъ начало деморализаціи, первые признаки гигантской трагедіи, подползающей все ближе и ближе къ городу. Несмотря на весь оптимизмъ французскихъ офицеровъ и солдатъ, оптимизмъ настолько сильный, что онъ приближался къ религіозной вѣрѣ, я теперь думаю, разбираясь въ фактахъ, что онъ не оправдывался фактами. Онъ оправдался только благодаря чуду, который послѣдовалъ за вѣрой. Фонъ-Клукъ, кажется, не зналъ, что французская армія отчаянно нуждалась въ тѣхъ двадцати четырехъ часахъ, которые онъ далъ ей благодаря своей нерѣшительности. Если бы онъ прямо пошелъ на Парижъ съ той же самой стремительностью, съ которой его войска шли раньше, и съ той же самой рѣшительностью пробиться во что бы то ни стало, не считаясь со своими потерями, городъ былъ бы въ его рукахъ, и Франція дрогнула бы отъ удара. Психологическій эффектъ захвата столицы въ началѣ войны принесъ бы нѣмцамъ гораздо больше пользы чѣмъ уничтоженіе цѣлаго корпуса. Паденіе Парижа было бы ударомъ для французовъ, настроеніе которыхъ поддерживалось ложными извѣстіями и ложными надеждами до тѣхъ поръ, пока ихъ правительство не бѣжало въ Бордо, уяснивъ серьезность опасности. Быстрое паденіе Парижа было бы такъ же ужасно, какъ и въ грозный годъ предыдущей войны, и темпераментъ націи не измѣнился по существу настолько, чтобы встрѣтить это бѣдствіе съ достаточнымъ стоицизмомъ. Я знаю аргументы стратеговъ, которые утверждаютъ, что фонъ-Клукъ не могъ взять на себя риска прорваться въ Парижъ, когда на его флангѣ оставалась непобѣжденная армія. Эти очевидные аргументы, вполнѣ вѣскіе для тѣхъ, кто не любитъ риска. Однако, вся исторія великихъ полководцевъ доказываетъ, что въ рѣшительный моментъ они бросали безопасные и вѣрные методы для мастерскихъ и смѣлыхъ ударовъ, сознательно рискуя и приводя въ ужасъ враговъ своимъ призрѣніемъ къ осторожности. Фонъ-Клукъ вступилъ бы въ Парижъ съ двадцатью тысячами солдатъ и удержалъ бы его. Съ этимъ согласится всякій, кто знаетъ факты. Имѣя въ своемъ распоряженіи массы войскъ, онъ могъ бы вбить клинъ между Парижемъ и французскимъ лѣвымъ крыломъ и центромъ, такъ что всякая попытка съ ихъ стороны прорвать его линію и перерѣзать его сообщенія подвергала бы французовъ страшной опасности быть обойденными нѣмецкимъ центромъ, передвинутымъ съ сѣвера, съ его острымъ концомъ, также направленнымъ на Парижъ. Вся картина войны рѣзко измѣнилась бы въ этомъ случаѣ, и тогда произошли бы стратегическія движенія, губительныя для обѣихъ сторонъ, вмѣсто осадной войны въ окопахъ, въ которой противники въ стремленіи вести войну съ наименьшими потерями установили положеніе, которое обрекало ихъ на вынужденное бездѣлье. Психологическое послѣдствіе взятія Парижа было бы весьма велико, выражаясь въ моральномъ выигрышѣ для нѣмцевъ и въ моральной потерѣ для французовъ. Настроеніе нѣмцевъ было бы такъ же приподнято, какъ пало бы

настроение французовъ, а слѣдуетъ имѣть въ виду, что даже и въ современной войнѣ побѣда достигается такъ же настроеніемъ армій, какъ и губительнымъ огнемъ огромныхъ пушекъ.

Генеральный штабъ нѣмецкой арміи рѣшилъ иначе. Опасаясь возможности вынужденнаго отступленія ихъ лѣваго крыла на западъ между Парижемъ и моремъ и прорыва коммуникаціонной линіи, нѣмцы повернули рѣшительно къ юго-востоку и направили свой знаменитый клинъ къ югу, съ цѣлью разобщить силы союзниковъ. Точное положеніе было таково: правое крыло нѣмцевъ ударило на юго-востокъ отъ Парижа, отъ Шато-Тьерри до Ла-Фёрте-су-Жуаръ и дальше, а другая сильная колонна принудила французовъ очистить Реймсъ и отступить въ юго-западномъ направленіи. Это внезапное измѣненіе плана было выполнено не безъ ловкости, и, очевидно, что нѣмецкій штабъ вѣрилъ въ возможность разбить французскій центръ и лѣвое крыло, а затѣмъ обернуться и нанести окончательный ударъ арміи Парижа и „презрѣннымъ англичанамъ“. Но въ этомъ случаѣ нѣмцы просмотрѣли два рѣшающихъ фактора. Однимъ изъ нихъ было время, а другимъ внезапное возрожденіе духа во французской арміи, когда французы поняли, что Парижъ могъ быть еще спасенъ. Нѣмцы дали время не больше двадцати четырехъ часовъ генералу Жоффру и его совѣтникамъ для того, чтобы исправить однимъ великолѣпнымъ блестящимъ усиленіемъ всѣ горестныя ошибки начала войны. Когда они медлили и измѣняли линію своего фронта, на французской сторонѣ проявлена была поразительная дѣятельность, и Жоффръ, благодаря талантливому плану, который показалъ его великимъ полководцемъ, несмотря на первыя ошибки, которыя, быть можетъ, и нельзя ему ставить въ вину, приготвилъ ударъ, обрушившійся на врага со страшной тяжестью.

2.

Мнѣ выпало на долю счастье видѣть кое-что изъ натиска союзниковъ. Этотъ натискъ давалъ надежду, что, можетъ быть, въ концѣ-концовъ трагедія, которая казалась неизбежной, а именно паденіе прекраснѣйшаго города въ мірѣ, можетъ и не случиться.

Массовое передвиженіе войскъ было направлено съ запада, юга и востока и продолжалось безъ перерыва днемъ и ночью.

На станціяхъ около Парижа я видѣлъ какъ садился въ вагонъ полкъ за полкомъ: солдаты южныхъ провинцій, говорящіе на патуа юга, солдаты восточныхъ департаментовъ, которыхъ я видѣлъ мѣсяць тому назадъ въ началѣ войны въ Шалонѣ, Эпернѣ и Нанси, и солдаты съ юго-запада и центра Франціи изъ гарнизоновъ на Луарѣ.

Всѣ они были въ великолѣпномъ настроеніи духа, нисколько не тревожась быстрымъ наступленіемъ нѣмцевъ.

— Не бойтесь, — сказалъ грязный и небритый джентльменъ со смѣющимися глазами д'Артаньяна. — Мы откусимъ имъ головы. Эти варвары-боши попадутся въ ловушку. Наконецъ-то мы доберемся до нихъ.

Вагоны были увѣшаны гирляндами полевыхъ цвѣтовъ. У солдатъ на кепи были приколоты цвѣты. На вагонахъ, въ которыхъ они ѣхали, были написаны мѣломъ надписи и девизы:

„A mort Guillaume!“ „Vive la Gloire!“ „Les Français ne se rendent jamais!“ *).

Многіе изъ нихъ уже дрались у Лонгви и на высотахъ Лезовъ. Лица самыхъ юныхъ изъ нихъ были покрыты колючею кородой. Ихъ синія шинели съ завернутыми полами были порваны въ бояхъ и покрыты пылью во время ихъ длинныхъ походовъ. Ихъ красные шаровары были грязны и въ пятнахъ.

Однако, они не забыли какъ нужно смѣяться, и отрадно было видѣть благородную доблесть ихъ духа и ихъ вѣжливость. Мой пріятель не постыдился сказать, что слезы подступили къ его горлу, когда онъ стоялъ среди нихъ и пожималъ ихъ загорѣлыя руки. Чувства были сильно приподняты въ началѣ войны. Впослѣдствіи многочисленность этихъ сценъ притупила сердца.

Эти французскіе солдаты весьма гордились тѣмъ, что они сражаются бокъ о бокъ со своими старинными врагами, британцами, ихъ братьями по оружію въ настоящее время, послѣ долгихъ столѣтій борьбы со времени Эдуарда, Чернаго Принца до Веллингтона. Потому что я оказался англичаниномъ, они предложили мнѣ папиросъ и обращались со мною какъ со своимъ.

Въ современной войнѣ значать только массы людей, передвигающіяся послушно по распоряженію таинственной далекой силы, и я благодарилъ небо, что именно массы людей двигались послѣшно въ огромномъ количествѣ и въ нужномъ направленіи для того, чтобы поддержать французскіе ряды, которые отступали отъ Амьена за нѣсколько часовъ до моего отъѣзда оттуда. Я слѣдовалъ все дальше и дальше за ними и за англичанами, поддерживавшими ихъ лѣвое крыло, почти до предѣловъ самаго Парижа.

Только такое быстрое усиленіе фронта союзниковъ безчисленными резервами для того, чтобы удержать острый таранъ праваго крыла врага, и могло спасти Парижъ.

При видѣ этого быстрого передвиженія огромныхъ массъ можно было вывести только одно заключеніе: всѣ наличныя силы французской и британской арміи были собраны для того, чтобы остановить потокъ врага и спасти Парижъ.

3.

Однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ настоящей войны была перевозка арміи Парижа къ боевой линіи въ таксомоторахъ. Этихъ экипажей въ Парижѣ было до 2000, и перваго сентября они всѣ исчезли, какъ будто бы ихъ поглотила земля, такъ же какъ земля поглотила одинъ изъ нихъ, когда вода под-

*) „Смерть Вильгельму!“ „Да здравствуетъ Слава!“ „Французы никогда не сдаются!“

мыла мостовую парижской улицы. Внезапный приказъ генерала Галлиени, парижскаго военнаго губернатора, былъ врученъ каждому шофферу, который тотчасъ же пересталъ обращать вниманіе на поднятыя руки желавшихъ стать его пассажирами и на крики людей, отчаянно желавшихъ попасть на одинъ изъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ со своими вещами и избѣжать, такимъ образомъ, опасностей осады. Въ сборномъ пунктѣ шофферы узнали, что отъ прочности шинъ и работы ихъ машинъ зависѣло спасеніе Парижа, а можетъ быть и жизнь Франціи. Это былъ необыкновенный случай въ исторіи современной войны. Въ каждый моторъ были помѣщены пять солдатъ, четыре на сидѣньѣ и одинъ рядомъ съ шофферомъ съ ихъ ружьями и снаряженіемъ. Въ одинъ пріемъ двадцать тысячъ человѣкъ отправились по дорогѣ къ Маасу. Это былъ триумфъ скорости, и когда въ будущемъ парижанинъ будетъ склоненъ проклинать эти красные экипажи, которые несутся по улицамъ съ опасностью для прохожихъ, не помнящихъ о томъ, что смерти можно избѣжать только неустанной бдительностью, его справедливый гнѣвъ будетъ, быть можетъ, смягченъ при воспоминаніи, что передъ битвой на Маасѣ это были колесницы арміи генерала Манури, которая обратила приливъ враговъ въ отливъ, принудивъ ихъ къ отступленію.

4.

Генералу Жоффру и французскому штабу послужило къ вѣчной чести то, что послѣ безпорядка, неподготовленности арміи и горестныхъ ошибокъ въ расположеніи войскъ въ теченіе шести недѣль, они оправались, напрягли все усилія, захватили блестящимъ ударомъ совершенно неожиданно врага, и нанесли ему оглушающій ударъ. Нѣмецкій главный штабъ, интеллектъ величайшей военной машины въ Европѣ, величественно надменный въ своемъ убѣжденіи, что въ немъ сосредоточена вся военная наука, и что союзныя арміи были жалкими невѣждами безъ мысли, и безъ организаціи, совершенно неспособныя противостоять военному генію германской расы, оказался побитымъ и обойденнымъ въ тотъ самый моментъ, когда побѣда, казалось, была уже у него въ рукахъ.

Впервые съ начала наступленія во Францію нѣмцы встрѣтились съ равнымъ по численности непріателемъ и принуждены были тотчасъ же остановиться. Они нашли, что этотъ отпоръ, ужасный для ихъ самоувѣренности, оказался побольше, чѣмъ простая задержка, легко устранимая, если бросить въ битву большее количество войскъ. Генераль фонъ-Клукъ понялъ, что французы собрали грозную массу людей, готовыхъ обрушиться на его правое крыло. Французскія пушки уже открыли огонь на его отступающія колонны со страшными результатами. Французскіе полки, подвигаясь настойчиво и быстро съ юго-запада и юго-востока, послѣ недѣль отступленія, вынуждали къ отступленію его передовыя части, гнали его кавалерію и обнаруживали твер-

дое стремленіе къ наступленію. Четвертаго и пятаго сентября происходилъ упорный бой на нѣмецкомъ лѣвомъ крылѣ и центрѣ, къ югу отъ Марны и къ западу отъ Урка. Въ то время, какъ генераль фонъ-Клукъ пытался остановить французскія и британскія войска, которыя подвергли его правое крыло страшному артиллерійскому огню, лѣвое крыло генерала фонъ-Бюлова съ саксонской арміей и арміей принца Вюртембергскаго отчаянно пыталось сокрушить французскій центръ бѣшенными атаками къ сѣверу отъ Сезанна и Витри-ле-Франсуа. Цѣлыхъ два дня нѣмцы старались одолѣть противника, но нигдѣ не могли прорвать французскій фронтъ, въ то время какъ союзники, успѣшно удерживавшіе свои позиціи противъ напора врага, получили необходимыя подкрѣпленія и затѣмъ развили генеральную атаку.

Фонъ-Клукъ видѣлъ, что его войска стали подаваться. Французскій mordant (укусъ) былъ слишкомъ страшенъ для пруссаковъ и саксонцевъ, которые во многихъ деревняхъ Франціи и въ низинахъ дюнъ тяжело терпѣли отъ англо-французской артиллеріи и были истребляемы штыковыми атаками съ невѣроятной свирѣпостью. Нѣмецкій генеральный штабъ, получая такія извѣстія со всѣхъ частей фронта, долженъ былъ испытать много нравственныхъ потрясеній, подтачивающихъ его гордость и терзающихъ его нервы. Возможно, что въ будущемъ мы прочтемъ исторію военныхъ совѣтовъ между нѣмецкими генералами, когда люди, увѣренные въ побѣдѣ, начали мучиться сомнѣніемъ, скрывали свои страхи даже отъ самихъ себя, пока они не были вынуждены мрачно признать грозную опасность, ожидавшую ихъ. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ генераловъ навѣрно плакали, а другіе посылали проклятья, когда фонъ-Клукъ рѣшилъ опять вести дѣло осторожно и отдалъ приказъ объ отступленіи. Отступленіе! Что же скажетъ въ Берлинѣ императоръ, ожидающій взятія Парижа, когда онъ вдругъ услышитъ, что Парижъ ускользнулъ изъ его рукъ? Какъ объяснять нѣмецкіе вожди значеніе этого отступленія тѣмъ, которые ждали добычи, награбленной въ Луврѣ, и подарковъ изъ парижскихъ магазиновъ?

Нѣмецкіе офицеры думали объ этомъ—я читалъ ихъ письма.— Неудача нѣмецкаго центра представляла изъ себя въ высшей степени серьезное обстоятельство и грозила фонъ-Клуку, обхватомъ его фронта союзниками, что могло повести его къ гибели со всѣмъ цвѣтомъ императорскихъ войскъ. За нимъ находились неприступныя позиціи на Энѣ, которыя манили къ себѣ жестоко тѣснимыхъ нѣмцевъ. Не предоставляя ничего случаю, нѣмцы уже приготовили эти позиціи на случай отступленія, хотя послѣднее и представлялось имъ тогда не иначе, какъ фантастической грезой. Неудача и осторожность указывали на Энъ какъ на безопасное мѣсто. Съ каждымъ часомъ союзныя арміи все увеличивались, получая новые полки и батареи пушекъ. Возможно, что завтра будетъ слишкомъ поздно достигнуть твердынь на холмахъ...

Такимъ образомъ, отступленіе нѣмецкаго праваго крыла, прорѣзавшаго сѣверную Францію до того времени, пока остріе его не притупилось о стальную стѣну, началось пятого сентября и усилилось въ скорости движенія, когда союзныя войска послѣдовали по пятамъ непріятеля. Огромная масса нѣмецкаго лѣваго крыла потянулася назадъ въ стройномъ порядкѣ, не теряя много людей и не падая духомъ передъ этимъ удивительнымъ поворотомъ колеса фортуны. „Ужасное разочарованіе!“ пишетъ нѣмецкій офицеръ, письмо котораго я нашелъ впоследствии на его трупѣ. „Мы вѣрили, что мы съ триумфомъ войдемъ въ Парижъ, и уходить отъ него въ настоящее время весьма тяжело для нашихъ солдатъ. Но я вѣрю въ нашихъ вождей и знаю, что это только стратегическій маневръ. Парижъ еще будетъ нашъ!“

Это и былъ стратегическій маневръ, а вовсе не бѣгство, какъ его наименовало англійское бюро печати. Но всякое отступленіе стоитъ дорого, когда врагъ слѣдуетъ по пятамъ. Арріергардъ арміи фонъ-Клука былъ въ страшномъ положеніи и понесъ тяжкія потери. Преслѣдуя непріятеля, французская легкая артиллерія открыла огонь, передвигая свои пушки съ одной позиціи на другую съ короткими остановками, въ теченіе которыхъ знаменитыя „семидесятипятиметровыя“ выпускали снаряды почти вплотную въ сплошные ряды непріятеля, такъ что нѣмцы падали, какъ хлѣбъ на корню, сраженный градомъ. Британская артиллерія продвигалась впередъ съ меньшей стремительностью, но съ неизмѣннымъ упорствомъ къ западу отъ рѣки Уркъ, и послѣ всѣхъ ихъ трудныхъ испытаній, потерь и усталости солдаты, уставшіе отступать, радовались теперь тому, что насталъ и ихъ чередъ преслѣдовать врага.

Въ первыхъ числахъ сентября, когда нѣмецкое правое крыло повернуло обратно, происходили эпизоды, кажущіеся такими же невѣроятными какъ и тѣ, что встрѣчаются въ романахъ для юношества. Англійскій полкъ шелъ миля за милей по пыльной дорогѣ рядомъ съ другимъ полкомъ, проходившимъ тѣмъ же шагомъ по параллельной дорогѣ въ той же самой бѣлой пыли, покрывавшей ихъ мундиры, не англійскаго хаки, а made in Germany. Сотни нѣмецкихъ солдатъ, истомленныхъ этимъ усиленнымъ маршемъ въ знойное время года, безъ пищи и воды, отставали отъ своихъ, укрывались въ лѣса и оставались тамъ цѣлыя недѣли послѣ битвы на Марнѣ партіями по шести или девяти человѣкъ, прокрадываясь къ уединеннымъ фермамъ, гдѣ они требовали пищи съ ружьями, направленными на испуганныхъ крестьянъ, стрѣляя въ англійскихъ солдатъ, которые также отбились отъ своихъ, и скрываясь въ лѣсу, пока ихъ не находили французы. Это было время странныхъ приключеній, когда даже штатскіе, блуждая по полю сраженія, послѣ того какъ битва была окончена, видѣли направленные на нихъ ружейныя дула нѣмецкихъ солдатъ, которые не ставили ни во что человѣческую жизнь,

была ли она чужая или ихъ собственная, и когда небольшіе отряды французовъ или англичанъ подъ предводительствомъ смѣльчаковъ сѣпировъ вступали въ ожесточенную борьбу въ деревняхъ, занятыхъ небольшими партіями нѣмцевъ, отрѣзанныхъ отъ своей арміи, но рѣшившихъ биться до смерти со свирѣпостью затравленнаго звѣря.

Много интересныхъ историческихъ воспоминаній будетъ написано офицерами и солдатами о тѣхъ дняхъ. Я слышалъ десятки такихъ разсказовъ въ то время, когда лица разсказчиковъ еще не остыли отъ возбужденія и когда раны, полученныя ими на поляхъ Франціи, все еще пронизывались раскаленными иглами боли, такъ что смѣхъ прерывался судорожнымъ вздохомъ и губы сохнули отъ неутолимой жажды.

6.

Я приведу одинъ изъ этихъ разсказовъ въ виду интереса, который онъ представляетъ. Мнѣ его разсказалъ молодой офицеръ зуавовъ, побывавшій въ самой гущѣ боя, къ востоку отъ Парижа. Онъ выбылъ изъ строя съ кускомъ снаряда въ лѣвой рукѣ, и его мундиръ былъ забрызганъ кровью. Мнѣ хотѣлось бы записать этотъ разсказъ его солдатскими французскими словами, такими красочными и точными, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутыми по временамъ краснорѣчіемъ того, кто говоритъ объ ужасахъ, которые жгли его глаза, о страхѣ, который нѣкоторое время лишилъ его всей храбрости, о великой трагедіи этого отвратительнаго ремесла войны, трагедіи, заставляющей людей говорить правду.

Я также хотѣлъ бы предоставить моимъ читателямъ портретъ этого молодого человѣка съ чистосердечнымъ взоромъ его карихъ глазъ, съ маленькими черными усиками, съ черной щетинистой, давно небритой бородой, какъ его видѣлъ я въ изорванномъ и висѣвшемъ ключьями мундирѣ зуавовъ, прикрытомъ длиннымъ сѣро-синимъ плащомъ нѣмецкаго улана, котораго онъ зарубилъ своимъ палашомъ.

Когда онъ описывалъ мнѣ свои переживанья, онъ пускалъ дымъ изъ длинной нѣмецкой трубки, которую онъ нашелъ въ карманѣ плаща, и по временамъ смѣялся, глядя на этотъ трофей, которымъ онъ безмѣрно гордился.

— Въ теченіе четырехъ дней до понедѣльника седьмого сентября—началъ онъ свой разсказъ,—мы были заняты тѣмъ, что очищали отъ бошей всѣ деревни на лѣвомъ берегу Урка, который они заняли для того, чтобы защищать флангъ ихъ праваго крыла.

„Къ несчастью для насъ англійская тяжелая артиллерія, которая разбила бы ихъ вдребезги, еще не приходила къ намъ на помощь, хотя мы ждали ее съ нетерпѣніемъ, потому что какъ только мы прогнали аванпосты нѣмцевъ къ ихъ главнымъ силамъ, началось большое дѣло.

„Тѣмъ не менѣе, насъ было достаточно для начала, и насъ

ободрили новости о транспортѣ нѣмецкихъ снарядовъ, обращенномъ въ фейерверкъ нашимъ генераломъ По.—Мои зуавы,—какъ вы видите, я принадлежу къ первой дивизіи, репутація которой извѣстна, n'est ce pas? *)—были въ прекрасномъ настроеніи духа.

„Они напоминали мнѣ спортсменовъ, горѣвшихъ желаніемъ первыми выступить на состязаніи или вѣрнѣе, сказалъ бы я, они походили на ищеекъ, почуввавшихъ слѣдъ.

„Однако, для того, чтобы ободрить ихъ немного, знаете ли, я вытащилъ мой револьверъ, показалъ его моимъ малюткамъ и сказалъ очень вѣжливо, что первый, кто остановится подъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ, будетъ мертвъ, прежде, чѣмъ онъ сдѣлаетъ шагъ назадъ. Извѣстно, что въ каждомъ полку найдутся два, три человѣка, которыхъ слѣдуетъ ободрить именно такимъ образомъ. Всѣ они захохотали мнѣ въ лицо. Они хотѣли только поскорѣе добраться до нѣмецкихъ пушекъ и еще ближе къ ихъ прислугѣ. Они тогда не знали, что значитъ артиллерійскій огонь. Да, они вели себя браво, эти мои зуавы! Наше занятіе было не изъ пріятныхъ. Мы выбивали непріятеля изъ одной деревни въ другую, перестрѣливались на близкомъ разстояніи, такъ что по временамъ мы могли смотрѣть въ глаза бошамъ. Марокканцы тоже были съ нами, туземныя войска, а не французы, какъ мои ребята, и они походили на дьяволовъ, когда шелъ штыковой бой.

Нѣмцы подожгли нѣсколько деревень, прежде, чѣмъ они отступили, и скоро огромные клубы дыма съ языками пламени и тучей летающихъ искръ поднялись къ голубому небу и превратили въ адъ всю окрестность. И, правда, это былъ адъ на землѣ.

„Наши артиллеристы осыпали нѣмцевъ градомъ снарядовъ и усыяли землю ихъ трупами. Какъ разъ по этимъ мертвымъ тѣламъ мы и должны были итти въ атаку. Боши лежали кучами, масса кровавыхъ тѣлъ. Глядя на нихъ, я почувствовалъ себя дурно даже и въ этомъ аду...

Непріятельскіе пулеметы дѣйствовали изумительно. Я долженъ признаться, что мы еще не дошли до этого. Нѣмцы всегда пользуются ими на одинъ маневръ, и это весьма ловкій маневръ. Сначала они маскируютъ ихъ пѣхотой. Затѣмъ, когда французы идутъ въ атаку, они разступаются и подбиваютъ насъ убійственнымъ огнемъ. Устоять противъ нихъ почти невозможно, и въ данномъ случаѣ мы должны были отступать послѣ каждого натиска, во время котораго мы продвигались на 250 метровъ.

„Тогда быстро, какъ молнія, нѣмцы перетаскивали свои пулеметы на уступленное нами пространство и опять ждали насъ, при чемъ снова повторяли тотъ же маневръ при нашей атакѣ.

„Могу сказать, что это была порядочная трепка для нервовъ, но мои зуавы держались твердо, несмотря на тяжелыя потери.

„Въ одной деревнѣ, называемой Паншаръ, шелъ весьма сильный бой, и часть нашей артиллеріи находилась близъ нея. Вдругъ

*) Не правда ли?

надъ нашими головами появился нѣмецкій аэропланъ, и сталъ описывать круги, дѣлая развѣдку. Но онъ прилетѣлъ не только для развѣдки. Внезапно онъ началъ бросать бомбы и съ умысломъ или случайно—отъ этихъ нѣмцевъ нечего ждать хорошихъ манеръ—бомбы были брошены въ полевой госпиталь. Одинъ мой пріятель, молодой докторъ, былъ раненъ въ лѣвую руку пулей изъ одной изъ этихъ бомбъ, хотя я и не знаю, сколько было потерь отъ этихъ бомбъ. Случилось то, чего и слѣдовало ждать. Вскорѣ послѣ того, какъ аэропланъ исчезъ, нѣмецкія батареи принялись нащупывать нашу позицію и нашли ее съ непріятной для насъ точностью. Такъ всегда бываетъ. Нѣмецкіе аэропланы удивительно точно опредѣляютъ мѣстонахождение нашихъ пушекъ. Мы всегда знаемъ, что не больше какъ черезъ полчаса послѣ того, какъ аэропланъ улетитъ, наши артиллеристы подвергнутся обстрѣлу, если они не перемѣнятъ позиціи. То же произошло и вчера, въ сраженіи около Мо.

„Нѣсколько дней подрядъ продолжалось это выкуриванье крысъ по деревнямъ на лѣвомъ берегу Урка, и мы чувствовали себя не очень то хорошо. Сказать правду, у насъ не было воды, и мы въ теченіе четырехъ дней не могли утолить муки жажды. Это было поистинѣ ужасно, такъ такъ жара во время дня стояла страшная, и нѣкоторые изъ насъ почти обезумѣли. Наши языки вспухли и потрескались, наши глаза были какъ у безумцевъ, и по ночамъ намъ снились отвратительные сны. Увѣряю васъ, это было невыносимое мученье.

„Но мы дѣлали все, что могли для нашихъ лошадей. Я уже сказалъ, что мы не пили воды въ продолженіе четырехъ дней. Это происходило потому, что мы отдавали послѣднія капли бѣднымъ животнымъ. Благородный человѣкъ обязанъ такъ поступать—вы согласны?—и французскій солдатъ не варваръ. Несмотря на это лошади должны были остаться безъ капли воды въ теченіе двухъ дней, и я не стыжусь сказать, что я плакалъ горькими слезами при видѣ мученій этихъ бѣдныхъ невинныхъ животныхъ, которыя не понимали значенія всего этого кроваваго побоища и удивлялись нашей жестокости.

„Ночи были ужасны. Повсюду вокругъ насъ горѣли наши милыя французскія деревни, и при каждомъ слабомъ дуновеніи вѣтра искры сыпались вокругъ нихъ подобно падающимъ звѣздамъ. Но рядомъ горѣли и другіе огни. Подъ покровомъ темноты нѣмцы собирали трупы своихъ солдатъ и, сваливъ ихъ въ большія кучи, покрывали ихъ соломой и парафиномъ. Затѣмъ они поджигали эти погребальные костры.

„На разсвѣтъ послѣ битвы появились птицы, питающіяся падалью. Немного ихъ было, но онѣ опускались, хлопая крыльями, не только около мертвыхъ, но и около еще живыхъ. Одинъ изъ моихъ товарищей лежалъ тяжело раненый и, когда онъ пришелъ въ себя, одна изъ этихъ отвратительныхъ птицъ сидѣла у него на груди, ожидая его смерти. Вотъ какова война!

„Однако я видѣлъ и другія сцены, величественныя и блестящія. Ваши англійскіе артиллеристы, пришедшіе, наконецъ, къ

намъ на помощь, были великолѣпны. Они явились поздно. Ихъ не было видно до седьмого сентября, когда гигантскій бой былъ въ полномъ разгарѣ, и когда мы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы отбросить правое крыло нѣмцевъ. Ваши явились какъ бы на парадъ, удивительно хладнокровные шикарные ребята, великолѣпны по своей манерѣ управлять орудіями. Это была тяжелая артиллерія, въ которой мы крайне нуждались. И ничто не могло нарушить хладнокровія вашихъ солдатъ, хотя нѣмецкій огонь былъ очень силенъ.

„Таковы ваши британскіе артиллеристы. Они не похожи на французовъ, которые ведутъ себя лучше всего, когда двигаются впередъ, но не любятъ оставаться на одной и той же позиціи. Но когда ваши солдаты заняли мѣсто, ничто не можетъ ихъ сдвинуть съ него. Ничто въ мірѣ!

„И все же нѣмецкіе снаряды ужасны. Я признаюсь вамъ, что было время, когда мои нервы совершенно мнѣ измѣнили. Я нагибался вмѣстѣ съ солдатами — мы были тогда на открытомъ мѣстѣ — наклонялъ мою голову при взрывѣ „obus“ и дрожалъ всѣми членами, какъ будто бы я былъ въ лихорадкѣ. Богъ покаралъ меня за высокомеріе, съ которымъ я говорилъ съ моими людьми.

„Въ бою слышишь свистъ пуль, глухой грохотъ тяжелыхъ пушекъ, рѣзкій трескъ нашей французской артиллеріи, и во всемъ этомъ адскомъ шумѣ вопли и стоны лошадей и людей покрываютъ бѣшеный ревъ орудій. Никто не можетъ похвалиться своей храбростью. Боже мой! Были моменты когда я былъ трусомъ, какъ и всѣ меня окружавшіе!

„Но въ концѣ-концовъ привыкаешь и къ этому аду, какъ и ко всему на свѣтѣ. Скоро я опять началъ кричать и ободрять моихъ людей. Мы выбили непріятеля изъ деревни Брежи, и тутъ то я и былъ тяжело раненъ въ руку осколкомъ снаряда. Я исходилъ кровью, какъ зарѣзанный поросенокъ, но когда я пришелъ въ себя, мой товарищъ офицеръ сказалъ мнѣ, что дѣла идутъ хорошо, и что мы раскатали нѣмецкое правое крыло. Это было для меня лучше всякой перевязки. Я почувствовалъ себя великолѣпно, несмотря на мою слабость.

„Теперь начало конца. Нѣмцы бѣгутъ. Они выдохлись, они деморализованы. Ихъ гордость разбита. Имъ не хватаетъ снарядовъ. Они знаютъ, что ихъ планы рушились. Теперь, когда мы преслѣдуемъ ихъ, ничто больше не спасетъ ихъ. Эта война окончится скорѣе, чѣмъ думаютъ. Я убѣжденъ, что черезъ нѣсколько дней упорство непріятеля будетъ сломлено, и намъ ничего не останется дѣлать, какъ истреблять ихъ при ихъ отступленіи“.

Такова исторія, безъ всякихъ прикрасъ съ моей стороны, рассказанная мнѣ молодымъ лейтенантомъ зуавовъ, котораго я встрѣтилъ послѣ битвы у Мо, съ кровью, еще не высохшей на его мундирѣ.

Это обыкновенный рассказъ, описывающій переживание только одного участника страшной битвы, но изъ него ясно проглядываетъ правда о той грандіозной операціи, которая нанесла непо-

правимыя потери правому крылу нѣмцевъ и сокрушила весь планъ ихъ кампаніи. Тотъ оптимизмъ, съ которымъ офицеръ заканчиваетъ свой разсказъ, въ настоящее время заставляетъ только грустно улыбаться. Его пророчество о быстромъ окончаніи войны было высказано въ сентябрѣ 1914 года раньше мучительной зимней кампаніи, ужасной монотонности позиціонной войны и потоковъ крови, которые полились весною 1915 года.

7.

Отступление нѣмцевъ къ Марнѣ, когда ихъ армія повернула отъ Парижа и пошла обратно по дорогамъ, по которымъ они шли съ побѣдными пѣнями къ французской столицѣ и по каменнымъ полямъ, усыяннымъ остатками сраженій, среди деревень, которые они жгли и грабили, оставило слѣды разрушенія, крови и развалинъ. Когда я проѣзжалъ въ вагонѣ по этой мѣстности Франціи за пять недѣль до нѣмецкаго отступления, передо мной проходили мирныя и красивыя картины. Поля безъ черныхъ пятенъ на свѣжей травѣ, ощипанной коротко стадами овецъ, зеленѣли подъ лучами солнца. Полевые цвѣты были разбросаны по лугамъ золотыми и серебряными точками. Ужасы не прятались въ лѣсахъ, гдѣ птицы пѣли рѣзкимъ хоромъ подъ аккомпаниментъ жужжанія насѣкомыхъ. Маленькіе французскіе городки бѣлѣли на холмахъ, и въ деревняхъ съ выбѣленными домами подъ соломенными крышами и съ гумнами, полными только что снятаго хлѣба, крестьянскія дѣвушки весело смѣялись, наполняя свои кувшины изъ колодцевъ, мальчики и дѣвочки играли на базарныхъ площадяхъ, и старики со старухами, сидя въ прохладной тѣни у дверей, смотрѣли на старыя привычныя имъ картины мирной жизни и прислушивались къ бою ихъ церковныхъ часовъ безъ страха и трепета въ ихъ сердцахъ. Война была объявлена, но ея ужасы казались далекими. Слабые отзвуки чудовищной драмы чувствовались лишь постольку, поскольку по улицамъ деревень съ грохотомъ провозили пушки или тянулася эскадронъ голубой кавалеріи съ загорѣлыми всадниками, улыбающимися крестьянскимъ дѣвушкамъ. Правда, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ деревень французскія матери прижимали своихъ сыновей къ груди и тихонько плакали, лаская ихъ головы, и плакали еще больше въ одиночествѣ, когда ихъ мальчики ушли. Тѣнь войны прокралась во всѣ деревни Франціи, но снаружи онѣ были такими же, какъ и во время мира, и не боялись отдаленной опасности. Природа была безразлична къ нелѣпымъ и глупымъ затѣямъ людей. Ея красота была проникнута зрѣлостью расцвѣтшаго лѣта и дремотой золотыхъ дней, когда лѣса не шевелятся въ жаркомъ воздухѣ, и ни одна травинка не движется, если только ея не пошевелить кузнечикъ.

Теперь по всему пути нѣмецкаго отступления сама природа была осквернена и загажена, а старыя мирныя жилища были разрушены. Пробиваясь назадъ, непріятель сжегъ много деревень или же укрывался въ нихъ отъ убійственнаго огня преслѣдую-

шихъ его войскъ, такъ что только обгорѣлыя бревна и обуглившіяся, разрушенныя стѣны съ грудями золы, все, что недавно было фермами и амбарами, остались въ качествѣ свидѣтелей ужаса, который пронесся по мѣстности. По дорогамъ лежали трупы лошадей. Мириады мухъ чернѣли на ихъ гнѣющихъ тѣлахъ, отъ которыхъ пло зловоніе, отравляющее воздухъ и заглушающее благоуханіе цвѣтовъ и запахъ сѣна. Въ деревняхъ, на улицахъ которыхъ проходили бои, какъ въ Барси и Пуэнси, Нѣмутье и Монлионѣ, Дуи-ла-Раме и Шевревилѣ, бѣлые домики и старыя фермы, служившіе прикрытіемъ для нѣмецкихъ солдатъ, прежде чѣмъ они не были выгнаны оттуда орудійнымъ огнемъ или штыковыми атаками, превратились въ безформенныя руины. Кое-гдѣ среди развалинъ одинъ домикъ избѣжалъ общей участи. Онъ стоялъ хорошенькій и чистенькій среди общаго разрушенія. Кафе-ресторанъ все еще показывалъ прохожему объявленія, испещренныя шрапнелью, рекомендующія Дюбонне и другіе *apéritifs*. Кое-гдѣ стояли цѣлыя улицы сохранившихся домовъ, а на улицахъ рядомъ съ ними дома свалились, на подобіе карточныхъ домиковъ, сбитыхъ рукою шаловливаго ребенка. Въ другихъ деревняхъ трудно было повѣрить, что тамъ прошла война. Скорѣе казалось, какъ будто чума выгнала все ихъ населеніе. Дома все еще были заколочены, какъ тогда, когда буржуа и крестьяне бѣжали при первомъ извѣстіи о нѣмецкомъ наступленіи. Только полное безлюдіе и молчаніе указывали, что здѣсь произошло что-то ужасное. Только это и слабый запахъ разложенія отъ темной массы чего-то страшнаго, лежавшаго подъ каменной стѣной, а также глубокія колеи и ямы на дорогѣ, выбитыя пушками и повозками....

Кругомъ валялись разстрѣлянные патроны и осколки снарядовъ, и кое-гдѣ лежали, зарывшись въ землю, неразорвавшіеся снаряды.

Французскіе крестьяне бродили по полямъ и по разрушеннымъ деревнямъ въ поискахъ за этими трофеями, хотя по закону они не имѣли на это права, такъ какъ за это они могли подвергнуться наказанію какъ за грабежъ. Во многихъ изъ фермъ, въ которыхъ побывали нѣмецкіе офицеры, видны были признаки поспѣшнаго выступленія. Фуражки и кожаныя сумки все еще лежали на стульяхъ и кроватяхъ. Полуоконченныя письма, написанныя женщинами Фатерлянда, которыя никогда не прочтутъ ихъ, валялись на полу и были смяты каблуками спѣшившихъ выбраться отсюда поскорѣе.

Я видѣлъ такія же картины въ Турціи, когда побѣдоносные болгары шли за отступающими турками. Я никогда не воображалъ, что подобныя сцены могутъ случиться во Франціи. Такія мелочи, какъ одно изъ этихъ неоконченныхъ писемъ отъ солдата къ своей женѣ, наполняетъ душу жалостью ко всѣмъ жертвамъ этой трагедіи.

„Meine liebe Frau“ *) Гдѣ-нибудь въ Германіи женщина давно ждетъ этого куска бумаги, подобранаго мною въ лѣсу Компіеня,

*) „Милая жена“.

мокраго отъ росы и запачканнаго грязью. Она будетъ ждать день за днемъ этого письма и день за днемъ ея сердце будетъ болѣть, потому что до нея не дойдетъ ни одного слова, которое дало бы ей возможность сказать „Благодарю Господи!“ и встать на колѣни у кровати бѣлокурого мальчика, удивительно похожаго на ушедшаго на эту ненавистную войну. Я находилъ сотни такихъ писемъ, настолько сырыхъ и запачканныхъ сапогами, что я могъ только разобрать въ нихъ нѣсколько словъ, написанныхъ по-нѣмецки. Вѣтеръ переносилъ ихъ по полямъ, и они лежали среди жестянокъ отъ мясныхъ консервовъ, брошенныхъ британскими солдатами при ихъ отступленіи по этимъ же полямъ.

Все же я поднималъ ихъ и смотрѣлъ на нихъ и, мнѣ казалось, приходилъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ трагедіей, которую до того времени я могъ только представлять себѣ благодаря толпамъ бѣглецовъ, потоку раненыхъ, разрушенію домовъ и молчанію покинутыхъ деревень. Я все еще не видалъ настоящей войны и не наблюдалъ дѣйствія пушечнаго огня на живыхъ людяхъ. Я только бродилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она уже прошла.

Я подвинулся ближе къ настоящей войнѣ въ одно воскресенье въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому времени отступленіе непріятеля закончилось, и нѣмецкая армія подъ командой генерала фонъ-Клука была, наконецъ, на твердыхъ холмовъ, которые напрасно громили французскія и англійскія пушки въ началѣ долгой и страшной осады укрѣпленныхъ нѣмецкихъ позицій.

Въ продолженіе всего этого воскресенья я бродилъ по полямъ, все еще покрытымъ ужасами недавняго сраженія, по направленію къ желѣзнодорожнымъ путямъ, простирающимся къ сѣверу и къ востоку отъ Викъ-скуръ-Эна къ Нуайону и Суассону, гдѣ въ теченіе шести дней тянулася одна изъ величайшихъ битвъ въ исторіи, не прерываясь ни на минуту.

Когда я шелъ рядомъ съ рельсами отъ города Крепи-анъ-Валуа, пострадавшаго отъ грабежа, и дальше черезъ лѣсъ Виллье-Коттере, и по полямъ, засаженнымъ рѣпой и пшеницей, по которымъ только нѣсколько дней тому назадъ шли французскія и британскія войска, преслѣдуя непріятеля, отступавшаго къ сѣверному берегу Эна, гигантскія пушки нашей тяжелой артиллеріи потрясали воздухъ громовыми раскатами.

Ихъ грохотъ прекращался не болѣе какъ на минуту или двѣ. Въ эти промежутки кругомъ царило какое-то мертвое молчаніе, какъ будто бы духъ этихъ лѣсовъ и холмовъ испуганно прислушивался, затаивъ дыханіе, и ждалъ новаго удара. По мѣрѣ того, какъ я подвигался ближе къ боевой линіи, гулъ становился громче и превращался въ ошеломляющій грохотъ, какъ будто бы вершины холмовъ падали въ глубокія долины. Отвѣтомъ ему служило смутное, отдаленное, ворчащее эхо, въ которомъ я признавалъ голосъ непріятельскихъ орудій.

Въ скоромъ времени, когда я шелъ, пробираясь среди лужъ и колдобинъ, вырытыхъ колесами пушекъ, я услышалъ болѣе низкій и воющій гулъ, за которымъ слѣдовало сотрясеніе воздуха, какъ будто бы сильный вѣтеръ вторглся въ пустое простран-

ство. Эти странные зловѣщіе звуки исходили отъ тяжелыхъ орудій, которыя непріятель помѣстилъ на высотахъ надъ болотами Эна, отъ тѣхъ страшныхъ одиннадцати-дюймовыхъ пушекъ, которыя превосходили всѣ орудія французовъ и англичанъ. Съ тѣмъ удивительнымъ предвидѣніемъ, которое нѣмцы обнаружили во всѣхъ своихъ планахъ, эти чудовища были поставлены на цементъ на высотахъ за двѣ недѣли до того времени, какъ ихъ полки двинулись по направленію къ Парижу. Нѣмцы уже тогда приготавливали укрѣпленныя позиціи на случай, если ихъ ударъ не удастся, и наши британскія войска жестоко пострадали, благодаря предусмотрительности со стороны врага, который былъ увѣренъ въ побѣдѣ, но помнилъ о необходимости укрѣпленія тыла.

Въ моей жизни мнѣ приходилось много бродить во всѣхъ частяхъ свѣта по страннымъ мѣстамъ и со странными спутниками, но мнѣ ни разу не случилось совершить такую прогулку и съ такимъ проводникомъ, какъ въ это воскресенье, при грохотѣ пушекъ. Мой спутникъ въ этотъ день былъ могильщикъ.

По настоящему, онъ былъ *garde champêtre* — полевой сторожъ или деревенскій полицейскій, но въ теченіе трехъ недѣль онъ все время работалъ своимъ заступомъ, который онъ несъ на плечѣ, шагая рядомъ со мной. Вмѣстѣ съ другими крестьянами, призванными для той же печальной работы, онъ слѣдовалъ за линіей битвы на двадцать километровъ отъ своей деревни Рувиля, вблизи Левиньена, помогая хоронить павшихъ французовъ и британцевъ и сжигать нѣмецкіе трупы.

Его трудъ былъ уже почти конченъ, когда я встрѣтился съ нимъ. Во время сраженія въ этой мѣстности вокругъ лѣса Виллье-Коттере, бывшей два раза полемъ битвы, а именно при наступленіи нѣмцевъ и при ихъ отступленіи, здѣсь осталось 3.000 нѣмецкихъ труповъ и 1.000 французовъ и англичанъ. Работая заступомъ, какъ только онъ могъ, мой пріятель могильщикъ все еще не успѣлъ схоронить всѣхъ собратій по оружію, которые лежали подъ дождемъ.

Я пробирался по полю среди ихъ и наскоро засыпанныхъ могилъ и недалеко отъ груды вражескихъ труповъ, которые ждали похороннаго костра.

Мой проводникъ схватилъ меня за руку и указалъ мнѣ на оврагъ позади покинутой деревни Левиньень.

— Смотрите туда, — сказалъ онъ. — Понадобится не мало времени, чтобы они сгорѣли.

Онъ говорилъ дѣловито, какъ садовникъ, указывающій на костеръ изъ осеннихъ листьевъ.

Но тамъ, куда направлялся его указательный палецъ, среди дождя и подъ свинцовыми облаками, поднимался дымъ тяжелыми и медленными клубами, и я понялъ, что листья, на которые онъ мнѣ указывалъ, упали съ великаго дерева человѣческой жизни, и что этотъ костеръ былъ сложенъ изъ чудовищной жатвы войны.

Французскіе и британскіе мертвые были сложены въ однѣ и тѣ же могилы. — „Развѣ они не братья!“ — спросилъ мой спутникъ

съ заступомъ. — И какъ только крестьяне набрались мужества приблизиться къ своимъ деревнямъ и лѣсамъ, они собрали листьевъ и покрыли ими холмики, среди которыхъ я бродилъ, какъ покрываютъ вѣнками могилы героевъ. Такой чести не было оказано врагу, и нѣмецкіе трупы, облитые слегка керосиномъ и обложенные соломой, были преданы огню, такъ что только обуглившійся прахъ нѣмцевъ, разбросанный вѣтромъ и смоченный проливнымъ дождемъ, указывалъ на мѣсто ихъ смерти.

Когда я стоялъ и наблюдалъ эти живые огни среди красоты лѣсовъ, тянущіеся до отдаленныхъ холмовъ и окаймляющихъ деревню, казавшуюся мирнымъ уголкомъ съ ея старой церковной башней и красно-коричневыми крышами, я былъ весь охваченъ жалостью ко всему этому горю и ненужной смерти, прошедшей ураганомъ по прекраснымъ полямъ Франціи.

Въ чемъ смыслъ всего этого? Изъ-за чего во имя Бога или во имя дьявола люди убиваютъ другъ друга, какъ здѣсь, на поляхъ Франціи, такъ что человѣческая жизнь не представляетъ большей цѣнности, чѣмъ существованіе комара, убиваемого безъ милосердія? Каждый изъ этихъ нѣмецкихъ труповъ, который жарился подъ маслянистыми клубами дыма, былъ недавно молодымъ человѣкомъ со свѣтлыми надеждами, со способностью смѣяться и съ кое-какими инстинктами любви въ его сердцѣ. По крайней мѣрѣ, у него было два глаза и носъ, и другія черты, общія человѣческому братству. Дѣйствительно ли онъ носилъ на себѣ печать звѣря, такъ что его слѣдовало убить при первой же встрѣчѣ безъ всякаго милосердія? Я думалъ о томъ, не находится ли въ этой жарящейся массѣ человѣческаго мяса кто-нибудь изъ тѣхъ, кто былъ такъ добръ ко мнѣ въ Германіи — на примѣръ, тотъ молодой поэтъ, чья жена нарвала розъ для меня въ своемъ саду и, коснувшись ихъ губами, сказала: „возьмите ихъ въ Англію вмѣстѣ съ моею любовью“, или тотъ огромный баварскій профессоръ, который подѣлилъ свою пищу со мной на холмѣ подъ Адрианополемъ, или, наконецъ, одинъ изъ тѣхъ лейпцигскихъ студентовъ, которые чокались со мной въ пивной.

Въ этой войнѣ виновна была Германія. Можетъ быть. У меня не было возможности прочесть всѣ тайны нашего министерства иностранныхъ дѣлъ за двадцать лѣтъ, а то и болѣе, для того, чтобы убѣдиться съ какимъ тактомъ или безтактностью, съ какой честностью или вниманіемъ, съ какой надменностью или безразличіемъ наши государственные люди относились къ притязаніямъ Германіи или къ стремленіямъ Германіи. Но, по крайней мѣрѣ, я зналъ, наблюдая эти дымящіяся костры смерти, что ни одного изъ этихъ мертвецовъ нельзя обвинить въ преступленіи, которое вызвало эту войну, и что ни одна душа, парящая надъ этой грудой мяса, не можетъ быть призвана къ отвѣту на судилищѣ Бога. Они повиновались приказаніямъ, они шли подъ звуки гимна, воспѣвающаго отечество, они вѣрили, какъ и мы, въ правоту своего дѣла. Но какъ и мертвыя тѣла французовъ и англичанъ, лежавшихъ неподалеку, они были обречены на смерть, благодаря подлости государственныхъ людей, играющихъ однимъ

народомъ противъ другого, какъ мы играемъ пѣшками въ шахматы. Прежнее колдовство было невиннѣе этого новаго колдовства, и не было такъ мошеннически подло въ своемъ могуществѣ одурачивать невѣжественныя массы...

У моего проводника не было такихъ чувствъ. Когда онъ велъ меня по опушкѣ лѣса, онъ говорилъ мнѣ о своихъ приключеніяхъ и жестоко проклиналъ враговъ.

Онъ убилъ одного изъ нихъ своей рукой. Когда онъ шелъ по полю на краю лѣса, показался одинокій уланъ. Онъ принадлежалъ къ аванпостамъ сильнаго отряда въ Крепи-анъ-Валуа и сбился съ дороги въ этотъ городъ. Уланъ потребовалъ, чтобы французъ указалъ ему дорогу, и чтобы подкрѣпить свое требованіе, приставилъ остріе своей пики къ груди полевого сторожа.

Но крестьянинъ былъ въ молодости солдатомъ и держалъ револьверъ въ боковомъ карманѣ своей куртки. Онъ отвѣчалъ вѣжливо, а затѣмъ выстрѣлилъ, не вынимая руки изъ кармана, и убилъ нѣмца наповаль. Уланъ свалился съ лошади, и крестьянинъ подобралъ его пику и карабинъ въ знакъ воспоминанія о такомъ счастливомъ событіи.

Но его счастье было коротко. Въ тотъ же моментъ крестьянинъ испугался послѣдствій своего поступка. Если стало бы извѣстно, что онъ, штатскій, убилъ нѣмецкаго солдата, всѣ жители его деревни были бы преданы мечу, а среди нихъ были его жена и дѣти.

Онъ утащилъ свои трофеи въ лѣсъ и скрывался тамъ два дня до тѣхъ поръ, пока непріятель не удалился.

Впослѣдствіи я видѣлъ эту пику. Она была высотой отъ потолка до пола его домика, и въ будущіе годы въ деревнѣ Рувильона будетъ служить предметомъ захватывающаго духъ повѣствованія.

Другіе крестьяне подошли къ моему другу могильщику, и одинъ изъ нихъ, деревенскій великанъ, рассказалъ мнѣ, какъ онъ еле избѣжалъ смерти. Онъ служилъ проводникомъ четверемъ британскимъ офицерамъ въ сосѣднемъ лѣсу. Послѣдніе остановились, чтобы справиться по картамъ о положеніи мѣстности, и только ихъ проводникъ увидалъ на другомъ концѣ просѣки нѣмецкій кавалерійскій патруль. Прежде чѣмъ онъ могъ закричать объ опасности, нѣмцы схватились за ружья и выстрѣлили. Британскіе офицеры, не крикнувъ, повалились мертвыми, а крестьянинъ упалъ тоже, какъ мертвый, и перекатился въ канаву, не раненый, но парализованный страхомъ. Небольшой нѣмецкій патруль не интересовался его участіемъ. Нѣмцы проѣхали мимо съ громкимъ смѣхомъ, какъ бы придя въ хорошее настроеніе отъ этой шутки смерти.

Шутокъ такого рода было много, хотя я не вижу въ нихъ ничего смѣшного. Я могъ бы заполнить главу рассказами, которые я слышалъ о неожиданной смерти въ лѣсахъ и поляхъ, когда крестьяне на мгновеніе приподнимались отъ земли съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли вблизи врага. Эти отдѣльные эпизоды среди спокойныхъ деревень Франціи, опоясанныхъ молчаливыми

лѣсами, дають возможность уразумѣть, что такое духъ войны еще больше, чѣмъ беспощадная борьба на боевомъ фронтѣ съ его длинными списками убитыхъ и раненыхъ.

Въ этотъ день я видѣлъ слѣды этого страшнаго духа зла во многихъ мѣстахъ.

Я бродилъ не только среди мертвыхъ, но, что было интереснѣе, и по деревнямъ, гдѣ немногіе обитатели ломали свои руки среди развалинъ ихъ жилищъ.

Даже въ Крепи-анъ-Валуа, пострадавшемъ меньше другихъ городовъ, по которымъ шелъ непріятель, я видѣлъ злобное, намѣренное, глупое уничтоженіе чужой собственности людьми, которые, какъ я думаю, были не хуже другихъ людей, но только съ распущенными и не сдерживаемыми страстями. Они входили во всѣ покинутые дома и находили какое-то злобное удовольствіе въ томъ, чтобы разбивать вдребезги стулья, столы, абажуры лампъ, дѣтскія коляски и дешевыя, но драгоценныя для хозяевъ украшенія. Они превратили въ хлѣва много чистенькихъ домиковъ, и, казалось, какъ бы землетрясеніе сокрушило и превратило въ кучу безформеннаго и бессмысленнаго сора все то, что въ нихъ находилось. Они зашли въ музыкальный магазинъ и развлекались тамъ, что было, пожалуй естественно, грамофонами, губными гармониками, трубами и скрипками. Но что совершенно неестественно, они раздробили съ дьявольской радостью всѣ эти инструменты и превратили ихъ въ измятый металлъ и куски дерева. Въ одномъ домикѣ старичекъ со старушкой, оставшіеся въ городѣ среди немногихъ жителей, рассказали мнѣ свою исторію.

Они были эльзасцы и говорили по нѣмецки. Съ хитростью, которая какъ-то странно соединяется съ простотой французскаго крестьянина, они воспользовались, насколько возможно, этимъ счастливымъ обстоятельствомъ. Къ нимъ были поставлены девять нѣмецкихъ солдатъ, и каждый изъ нихъ требовалъ и получилъ девять яицъ на обѣдъ, который они запили виномъ хозяина. Впослѣдствіи они украли все, что могли найти, и вмѣстѣ съ товарищами очистили до тла магазины съ рубашками, сапогами, бакалеей, забирая все, что попадало подъ руку. Они даже вытащили гробы изъ мастерской гробовщика и набили ихъ награбленной добычей. Передъ уходомъ изъ Крепи-анъ-Валуа, какъ мнѣ говорили, они умышленно стрѣляли по повозкамъ Краснаго креста, въ которыхъ были французскіе раненые.

Забавно то, что въ голосѣ старика эльзасца, который рассказывалъ мнѣ о нѣмецкихъ безчинствахъ, звучали скорѣе нотки юмора, чѣмъ ненависти, когда онъ описывалъ мнѣ второй нѣмецкій визитъ передъ ихъ поспѣшнымъ отступленіемъ отъ на-двигавшихся англичанъ. Онъ задыхался отъ смѣха при воспоминаніи о своей хитрости. По его словамъ онъ выползъ изъ своей задней двери и написалъ мѣломъ нѣмецкую фразу на своей двери на улицѣ. Онъ написалъ, что обитатели этого дома были честные люди—*gute Leute*—которыхъ слѣдовало оставить въ покоѣ... Онъ визгливо, по стариковски, хохоталъ надъ своей хитроумной продѣлкой. Онъ снова захохоталъ, такъ что у него на глазахъ по-

казались слезы, когда онъ показаль мнѣ поле, гдѣ французы и англичане взорвали до трехъ тысячъ нѣмецкихъ снарядовъ, оставленныхъ непріателемъ при его отступленіи. Поле было усыяно большими кусками изломаннаго металла, и старый эльзасецъ, повидимому, находилъ грандіозной шуткой то обстоятельство, что нѣмцы должны были оставить за собой такъ много „пищи для своихъ пушекъ“. Въ концѣ-концовъ, что касается насъ, французовъ и англичанъ, это была не плохая шутка.

Въ это сентябрьское воскресенье я видѣлъ много того, что помогло мнѣ понять суть войны, но что въ послѣдствіи стало только отрывочными воспоминаніями о смутныхъ впечатлѣніяхъ, наполовину изглаженныхъ позднѣйшими картинами. Я припоминаю, что я наблюдалъ за передвиженіемъ полковъ, спѣшавшихъ на подмогу союзникамъ, видѣлъ перевозку тяжелыхъ орудій для великой битвы, которая тогда уже продолжалась шесть дней, и слѣдилъ за безконечными поѣздами подъ знакомъ Краснаго креста съ ранеными, слѣдовавшими съ того ужаснаго фронта между Викоми и Нуайономъ, гдѣ окопы были наполнены и переполнены ранеными и мертвыми, и куда съ геройской выносливостью шли полки усталыхъ людей, чтобы снова попасть подъ тотъ ураганный пушечный огонь, который уже они раньше встрѣчали съ храбростью, выше которой нельзя требовать отъ самаго мужественнаго сердца.

По грязи и по лужамъ, черезъ мокрый папоротникъ и кустарникъ, въ мѣстности, залитой проливными дождями, я шелъ съ могильщикомъ по пути нѣмецкаго отступленія, видя почти во всей наготѣ страшное опустошеніе, причиненное войной, и ея отвратительные остатки.

Кое-гдѣ большая дорога была завалена изломанными и перекрученными телеграфными проводами. Въ другихъ мѣстахъ огромные чаны и резервуары для воды были перевернуты и разбиты, какъ будто бы какая-то дьявольская сила забавлялась ими. Я смотрѣлъ внизъ съ разрушеннаго желѣзнодорожнаго моста и натѣкался на рельсы, сорванные со своихъ шпалъ и разбросанные около полотна.

Мой могильщикъ потянулъ меня за рукавъ и показаль мнѣ мѣсто, гдѣ онъ похоронилъ французскаго кирасира, который былъ застрѣленъ во время томительнаго стоянія на часахъ на опушкѣ лѣса.

Онъ показаль мнѣ своимъ заступомъ на свѣжія могилы французовъ и англичанъ. Могилы были повсюду, миля за милей, на склонахъ холмовъ, на поляхъ и въ долинахъ, хотя мой пріятель еще не кончилъ всей своей работы.

Я подобраль нѣсколько шрапнельныхъ пуль. Онѣ были разбросаны какъ горохъ на разстояніи пятнадцати миль между Бесомъ и Мортфонтеномъ и еще гуще по дорогѣ въ Викъ. Забуренные обломки снарядовъ рѣзали мои сапоги. Я несъ съ собой одну изъ тѣхъ нѣмецкихъ касокъ, которыя были найдены крестьянами среди капусты и рѣпы. И все время въ моихъ ушахъ

стоялъ глухой гулъ пушекъ, раскаты громовыхъ ударовъ, говорящихъ о страшной битвѣ, которая рѣшала судьбу нашей цивилизаціи и какъ бы вызывала новую жизнь народовъ изъ всей этой смерти.

ГЛАВА VI.

НАШЕСТВІЕ.

1.

Прежде чѣмъ окончится этотъ годъ Англія до нѣкоторой степени пойметъ, что означаетъ война. Въ англійскихъ городахъ исчезнутъ многія знакомыя лица, часто будутъ встрѣчаться вдовы и сироты, и останется много скорбящихъ сердецъ. Неясно и какъ бы въ туманѣ оставшіеся дома англичане поймутъ бѣдствія войны и ея жестокости. Однако, несмотря на всѣ наши усилія создать огромную армію и безграничное принесеніе въ жертву нашего юношества на чужія намъ поля битвы, нашъ народъ въ цѣломъ все-таки не уяснитъ всего значенія войны, какъ она понимается во Франціи и Бельгіи.

Великое счастье родиться на островѣ. Море, окружающее со всѣхъ сторонъ страну, даетъ чувство безопасности ея обитателямъ, и по этой-то причинѣ среди нихъ царитъ невѣдѣніе объ ужасахъ войны. Ни англичане, ни шотландцы никогда не уяснятъ себѣ этихъ ужасовъ. Напротивъ того, континентальные народы, отдѣленные отъ сосѣдней съ ними расы, съ другими инстинктами и идеалами, только нѣсколькими холмами, рѣкой или воображаемой линіей, испытываютъ всегда тревогу и опасеніе. Даже во время глубокаго мира мысль о войнѣ не забывается ими и присутствуетъ въ ихъ умѣ, какъ постоянная, хотя бы и отдаленная угроза.

Разница между складомъ мыслей островитянъ и континентальныхъ народовъ и была причиною той медлительности, съ которою Англія пришла къ пониманію настоящей войны. Понадобились слова презрѣнія и сарказма, тысячи уловокъ рекрутскихъ сержантовъ, стоящихъ во главѣ власти, и тысячи насмѣшекъ для того, чтобы заставить молодыхъ людей Великобританіи присоединиться къ арміи. Прямая опасность не угрожала домамъ и очагамъ англичанъ. Они не могли видѣть какой бы то ни было угрозы для существованія Англіи. Ихъ женщины были безопасны. Ихъ имущество, купленному въ разсрочку изъ зарабатываемаго съ трудомъ жалованья, какъ они думали, ни малѣйшимъ образомъ не грозила опасность быть уничтоженнымъ или расхищеннымъ въ качествѣ добычи. Они не могли постигнуть того, чтобы тонкія стѣны ихъ жилищъ, окружающія всѣ сокровища ихъ жизни, внезапно рухнули на подобіе картоннаго домика и похоронили ихъ дѣтей. Британскій экспедиціонный корпусъ, къ

которому ихъ приглашали присоединиться, былъ въ концѣ-концовъ по просту спортивной прогулкой въ чужія страны, принятой въ погонѣ за приключеніями.

Такихъ иллюзій не было во Франціи. Какъ скоро бѣдствіе войны обрушилось на нихъ, французы стали думать о своихъ границахъ и всячески молили Бога, чтобы стальныя изгороди, защищавшія ихъ отъ враговъ, были настолько крѣпки, чтобы удержать непріятеля до тѣхъ поръ, пока они все не соберутся къ знаменамъ. Каждый французъ, какъ бы онъ ни боялся смерти, былъ готовъ броситься къ границамъ, чтобы удержать своимъ собственнымъ тѣломъ вторгающійся потокъ нѣмцевъ. Память о 1870 годѣ научила ихъ, что значить вражеское нашествіе.

Я понялъ весь смыслъ этого въ первые мѣсяцы войны, когда я странствовалъ по Франціи. На сѣверѣ, поблизости къ непріятелю, и на восточной границѣ чувствовался великій страхъ передъ нашествіемъ врага, распространявшійся на подобіе чумы, хотя болѣе быстро и ужасно. Онъ заставлялъ блѣднѣть храбрѣйшихъ изъ мужчинъ при мысли объ ихъ женщинахъ и дѣтяхъ. Онъ заставлялъ самыхъ безчувственныхъ изъ мужчинъ испытывать муки состраданія при видѣ женщинъ съ ихъ маленькими дѣтьми и стариковъ, мѣсто которыхъ было у ихъ очаговъ, тянувшихся по большимъ дорогамъ, мучимыхъ голодомъ и усталостью, или умоляющихъ о томъ, чтобы ихъ пустили въ скотскіе вагоны, уже переполненные бѣглецами, или блуждающихъ ночью по неосвѣщеннымъ городамъ въ поискахъ хоть какого-нибудь пристанища и затѣмъ спящихъ на крыльцѣ заколоченныхъ домовъ и подъ заборами.

Цѣлые мѣсяцы повсюду во Франціи были тысячи мужей, потерявшихъ своихъ женъ и дѣтей, тысячи семействъ, которыя были надолго разлучены въ сумятицѣ безпорядочнаго бѣгства отъ жестокой солдатчины. Они исчезли въ этомъ мальштромѣ бѣженцевъ—жены, дѣти, матери и старыя бабки, большинство ихъ безъ денегъ—и жизнь ихъ зависѣла исключительно отъ случая. Каждый день во французскихъ газетахъ помѣщались длинные столбцы объявленій о пропавшихъ родственникахъ.

„Мосье Анри Планше будетъ искренно благодаренъ тому, кто увѣдомитъ его о мѣстопробываніи его жены, Сюзанны, и двухъ дѣтей, Берты и Марты, бѣженцевъ изъ Армантьера“.

„Мадамъ Тардье будетъ глубоко благодарна за указанія относительно дочери ея, мадамъ де-Роше, которая бѣжала изъ разрушеннаго города Альбера 10-го октября съ ея четырьмя дѣтьми“.

Каждый день я читалъ эти столбцы, находя трагедію въ каждой строчкѣ, и думалъ о томъ, не было ли кого-нибудь изъ пропавшихъ среди тѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчался въ служебныхъ вагонахъ воинскихъ поѣздовъ, втиснутыхъ среди ихъ вещей, или на платформахъ станцій, или среди отступающихъ длинными вереницами жителей городка въ лѣсистой долинѣ между холмами, откуда нѣмецкія пушки изрыгали шрапнель.

Представьте себѣ такую картину въ Англіи. Мужъ покидаетъ свою контору въ Лондонѣ и садится въ поѣздъ, идущій въ Гильд-

фордъ, гдѣ его ждуть къ обѣду жена и дѣти. У Уэйбриджа поѣздъ внезапно останавливается. Кондукторъ бѣжитъ къ машинисту и возвращается съ извѣстіемъ, что туннель взорванъ. Передаютъ, что Гильдфордъ и всѣ окрестныя деревни заняты енгпріателемъ. Семьи, бѣгущія изъ Гильдфорда, описываютъ бомбардировку города. Часть его горитъ. Гилдголлъ разрушенъ. Многіе изъ жителей его убиты. Большинство оставшихся въ живыхъ бѣжало.

Тотъ, кто ѣхалъ домой обѣдать, хочетъ пуститься въ поиски за своей женой и дѣтьми. Пріятели держатъ его, несмотря на то, что онъ борется съ ними. „Вы съ ума сошли!“ кричатъ они. „Сумасшедшій!..“ Онъ сегодня не обѣдаетъ дома. Его обѣдъ и его домъ превращены въ пепелъ. Недѣлями онъ помѣщаетъ объявленія въ газетахъ относительно мѣстопробыванія его жены и дѣтей. Никто ему не можетъ ничего сказать. Онъ не знаетъ, умерли они или живы.

Такіе случаи насчитывались тысячами во Франціи. Я видѣлъ такую трагедію—человѣка, оплакивающаго жену и дѣтей, проглоченныхъ неизвѣстностью послѣ разрушенія Фива возлѣ Лиля. Онъ ожидалъ въ ближайшемъ будущемъ рожденія ребенка. Въ первый день своей жизни новорожденный долженъ былъ получить крещенье огнемъ. Кто могъ сказать этому убитому горемъ человѣку, были ли его жена и ребенокъ живы?

2.

Во Франціи было много деревень вокругъ Лиля и Армантьера, Амьена и Арраса, а также въ Артуа и Пикардіи, гдѣ, несмотря на всю свою усталость, женщины, которыя ложились рядомъ со своими дѣтьми, не могли заснуть ни на минуту. Кто могъ сказать, что принесетъ съ собою ночь? Быть можетъ, ночью явится патруль уланъ, подстрѣливающихъ крестьянъ, какъ кроликовъ, когда тѣ бѣжали по полямъ, и требовавшихъ вина и опять вина до тѣхъ поръ, пока они не начинали въ пьяномъ безуміи жечь и истреблять все окружающее, исключительно изъ страсти къ разрушенію. Такъ было въ Санли, такъ было въ Сермэзѣ и во многихъ деревняхъ той мѣстности, черезъ которую я проѣхалъ.

Невозможно было предугадать слѣдующій шагъ непріателя. Его кавалерія продвигалась гораздо скорѣе его арміи, и благодаря молчанію правительственныхъ сообщеній жители города или деревни вдругъ находили себя въ разгарѣ сраженія, прежде чѣмъ они могли даже подумать объ опасности, имъ угрожавшей. Они попадали въ ловушку, благодаря внезапному разрушенію желѣзнодорожной линіи и взрыву мостовъ, какъ и я однажды чуть не былъ пойманъ, когда нѣмцы перерѣзали линіи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего поѣзда.

Страшная паника начиналась уже тогда, когда еще не было видно нѣмцевъ и не было слышно ни одного выстрѣла. Довольно было и того, что они приближались. Молва о ихъ приближеніи

распространялась часто совершенно ошибочно отъ одного мѣста до другого, находящихся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. За паникой слѣдовало бѣгство, и знатныя дамы оставляли свои замки и присоединялись къ толпѣ крестьянъ, покинувшихъ свои хижины съ дѣтскими колясочками, нагруженными хлѣбомъ и яблоками, во всевозможныхъ экипажахъ, даже на погребальныхъ колесницахъ, запряженныхъ жалкими лошадьми, забракованными для арміи. Часто, спустя короткое время послѣ бѣгства обитателей, и замockъ, и хижина обращались въ одну груду развалинъ.

Даже для корреспондента, выбирающаго такія мѣста, откуда онъ былъ бы въ состояніи увидать хоть что-нибудь изъ военныхъ дѣйствій и въ то же время остаться въ живыхъ и пересказать о всемъ, что онъ видѣлъ, положеніе Франціи въ первые дни войны представлялось довольно рискованнымъ.

Продвигаться къ боевой линіи, когда войска союзниковъ встрѣчаютъ непріятеля на извѣстной и опредѣленной уже заранѣе позиціи, очень удобно, но совсѣмъ другое дѣло итти на удачу съ непріятной мыслью о томъ, что непріятельскій отрядъ можетъ вынырнуть внезапно изъ-за угла, отрѣзавъ пути отступленія. Такъ случилось со мной не одинъ разъ, когда я развѣзжалъ съ двумя моими собратьями, которыхъ я назвалъ Стратегомъ и Философомъ. Ни стратегія перваго, ни философія втораго не могли спасти насъ отъ непріятныхъ моментовъ, когда мы плутали рядомъ съ боевой линіей врага, котораго мы совсѣмъ и не ожидали встрѣтить.

Такъ именно и случилось съ нами въ одинъ изъ первыхъ дней октября, когда мы рѣшили отправиться въ Бетюнъ, который казался намъ интереснымъ мѣстомъ въ районѣ военныхъ дѣйствій.

Въ Англіи можетъ показаться страннымъ, что по направленіямъ къ театру войны поѣзда попрежнему шли по расписанію какъ въ мирное время, и что пассажирамъ выдавали билеты безъ всякаго предупрежденія объ опасности въ концѣ ихъ пути. Несмотря на весь страхъ передъ нашествіемъ нѣмцевъ, французскіе желѣзнодорожные служащіе проявляли необыкновенное хладнокровіе и продолжали свое дѣло даже тогда, когда они знали, что пути могли быть разрушены, и ихъ станціи могли быть захвачены въ теченіе слѣдующихъ двухъ часовъ. Ихъ храбрость объяснялась также и неосвѣдомленностью: зная меньше моего о томъ, гдѣ находится непріятель, они пускали свои поѣзда туда, гдѣ уже находились кавалерійскіе аванпосты врага.

Въ этотъ октябрьскій день, на лицѣ полной дамы, находившейся за окошкомъ кассы, не было и слѣда удивленія, когда я попросилъ билетъ въ Бетюнъ, хотя за нѣсколько часовъ до этого тамъ кончился страшный бой, продолжавшійся нѣсколько дней.

Въ поѣздѣ находились нѣсколько коммерсантовъ, ѣдущихъ въ Лилъ черезъ Аркъ, гдѣ они должны были пересѣсть въ другой поѣздъ. Они, два или три французскихъ солдата и совершенно

спокойная и невозмутимая дама обсуждали вопросъ о возможности попасть въ городъ, вокругъ котораго, какъ говорили, разъѣзжала масса нѣмецкой кавалеріи. Не принимавшій участія въ обсужденіи пассажиръ, который вступилъ въ разговоръ со мной, ѣхалъ въ Бетюнъ. У него были тамъ жена съ дѣтьми, и онъ надѣялся, что они не пострадали. Только по внезапной разсѣянности на его лицѣ я могъ догадываться, что за этой надеждой скрывался тайный страхъ, котораго онъ не выдавалъ даже самому себѣ. Намъ всѣхъ можно было принять за людей, ѣдущихъ, скажемъ, между Сербитономъ и Уэйбриджемъ въ осенній день, когда шары гольфа летаютъ по площадкамъ. Ни одинъ изъ насъ не показывалъ ни малѣйшаго признака озабоченности, ни малѣйшаго сознанія близкой опасности.

Выглянувъ изъ окна вагона, я увидѣлъ, что всѣ поля кругомъ были изрыты траншеями, и что новыя траншеи поспѣшно и ловко сооружались группами солдатъ, которые сняли съ себя на это время синія шинели и весело работали своими заступами. Во всѣхъ деревняхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, батальоны пѣхоты охраняли желѣзнодорожные мосты и переѣзды. Кавалерійскіе патрули медленно подвигались по дорогамъ. Кое гдѣ кавалеристы спѣшили и, привязавъ своихъ лошадей, выглядывали изъ-за прикрытія фермъ и стоговъ сѣна, держа наготовѣ ружья и какъ бы ожидая улана, который могъ тамъ появиться.

Мы слышали гулъ пушекъ, стрѣлявшихъ залпами за холмами въ десяти миляхъ отъ насъ или еще дальше. Когда мы приблизились къ желѣзнодорожному узлу Арка, внезапно раздался взрывъ, который, какъ казалось, произошелъ весьма близко отъ насъ, и поѣздъ мгновенно остановился, скрипя тормозами.

— Что тамъ такое?—спросилъ рѣзко одинъ изъ моихъ спутниковъ.

Я высунулъ голову изъ окна вагона и увидалъ, что изъ всѣхъ оконъ выглядывали озабоченныя лица. Кондукторъ бѣжалъ по платформѣ. Начальникъ станціи кричалъ что то машинисту. Еще моментъ и мы начали идти заднимъ ходомъ и продолжали пятиться, пока мы не вышли за предѣлы станціи... Путь только что былъ взорванъ за Аркомъ развѣздомъ уланъ, и мы должны были благодарить нашу счастливую звѣзду за то, что мы остановились во время. Мы не могли попасть въ Бетюнъ, по которому на слѣдующій день прокатилась волна боя. Я раздумывалъ о томъ, что случилось съ женой и дѣтьми того пассажира, который былъ со мной въ вагонѣ.

Въ Эр-сюръ-Лисѣ я увидѣлъ группы женщинъ и дѣтей, которыя покинули свои дома и все, что у нихъ было, за исключеніемъ нѣсколькихъ узловъ съ платьемъ и корзинъ съ пищей. Я спросилъ ихъ, что онѣ будутъ дѣлать, когда ихъ провізія кончится.

— Милостыня будетъ всегда, мсье, — сказала одна изъ женщинъ. — По крайней мѣрѣ, слава Богу мои дѣти цѣлы.

Испытавъ сначала страхъ передъ непріятельскимъ вторженіемъ, эти женщины были спокойны и выказывали поражающую храбрость и покорность судьбѣ.

Еще тяжелѣе было смотрѣть на бѣженцевъ, шедшихъ по дорогамъ изъ Хазбрука. Передъ моими глазами двигался непрерывный потокъ, тянувшійся по двумъ пересѣкающимся дорогамъ. Они медленно двигались въ телѣжкахъ булочниковъ и мясниковъ съ крытыми верхами, въ деревянныхъ телѣгахъ, нагруженныхъ нѣсколькими семьями, или шли пѣшкомъ съ дѣтскими колясочками и тачками. Многіе изъ нихъ несли на рукахъ младенцевъ. Дѣти постарше шли, держась за юбку или за руку матери. Я не слышала плача и рыданій. Нѣкоторые изъ бѣженцевъ, какъ казалось, относились совершенно равнодушно къ своему изгнанію. Они дошли до такого состоянія, когда уже больше не плачутъ.

Отъ одной изъ бѣжавшихъ, мадамъ Дютеркъ, покинувшей Аррасъ съ маленькимъ мальчикомъ и дѣвочкой, я услышала рассказъ ея переживаній въ бомбардируемомъ городѣ. Сотни другихъ женщинъ передавали почти то же самое, и я привожу рассказъ мадамъ Дютеркъ какъ примѣръ того, что пришлось пережить женщинамъ во время неожиданнаго вражескаго нашествія.

Она находилась въ своемъ будуарѣ въ одномъ изъ старыхъ домовъ на Большой площади въ Аррасѣ, когда въ половинѣ десятаго утра первый снарядъ разорвался надъ городомъ недалеко отъ ея дома. Нѣсколько дней слышалась отдаленная пальба на высотахъ вокругъ Арраса, но теперь звукъ этого выстрѣла совпалъ съ другимъ, болѣе ужаснымъ и близкимъ грохотомъ.

— Мгновенье мнѣ казалось, что я буду уничтожена, — сказала мадамъ Дютеркъ. — Выстрѣлъ совершенно притупилъ всѣ мои чувства. Однако, скоро я пришла въ себя и стала беспокоиться о моей маленькой дѣвочкѣ, которая ушла какъ обыкновенно въ школу, находившуюся недалеко отъ насъ. Я ужасно обрадовалась, когда она прибѣжала домой нисколько не испуганная, хотя въ это время снаряды падали въ различныхъ частяхъ города.

За ночь до этого мадамъ Дютеркъ уже сдѣлала приготовленія на тотъ случай, если городъ подвергнется бомбардировкѣ. Въ ея домѣ, какъ и въ большинствѣ старыхъ домовъ въ Аррасѣ, былъ устроенъ погребъ со сводчатымъ потолкомъ, почти такимъ же крѣпкимъ, какъ потолокъ крѣпости. Она принесла туда сардинъ, хлѣба и другой провизіи, и какъ только ея маленькая дочь пришла къ ней изъ школы, она повела обоихъ дѣтей и няньку внизъ. Подземелье, какъ она называла его, тускло освѣщалось парафиновой лампой, и тамъ было сыро и холодно. Однако, она чувствовала себя теперь въ безопасности, потому что черезъ опредѣленный промежутокъ времени она слышала страшный жужжащій гулъ снаряда, похожій на гудѣнье гигантскаго шершня, сопровождающійся ужаснымъ взрывомъ, и затѣмъ еще болѣе зловѣщій грохотъ сосѣдняго дома, падающаго въ развалинахъ.

— Странно сказать, — продолжала мадамъ Дютеркъ — послѣ моего перваго испуга я уже не чувствовала страха и прислушивалась только съ напряженнымъ интересомъ къ шуму снарядовъ, опредѣляя ихъ разстояніе по ихъ звуку. Я точно знала, когда снарядъ рвался надъ нами и когда онъ падалъ въ другую часть

города, и мнѣ казалось, что я могла почти точно опредѣлить, домъ котораго изъ моихъ друзей былъ разрушенъ. Къ моему изумленію мои дѣти тоже не испытывали никакого страха. Они, повидимому, думали, что быть въ погребѣ и закусывать при свѣтѣ тусклой лампы было интереснымъ приключеніемъ. Мой мальчикъ забавлялся, скача на одной ногѣ, а моя дѣвочка была въ веселомъ настроеніи духа. Однако, нѣсколько времени спустя мы начали чувствовать лишенія. Я забыла принести въ погребъ воды или вина, и къ тому же мы стали думать о чемъ-нибудь болѣе существенномъ, чѣмъ холодныя сардины. Несмотря на трескъ и грохотъ падающихъ домовъ и на то, что нашъ домъ тоже могъ каждую минуту обвалиться, я поднялась наверхъ и начала варить макароны. Я должна была поспѣшно возвратиться въ подземелье, такъ какъ снарядъ лопнулъ совсѣмъ рядомъ съ моимъ домомъ, и на мгновенье я думала, что буду похоронена подъ его крышей. Однако, я опять пошла наверхъ въ одинъ изъ промежутковъ между выстрѣлами, нашла мои макароны сварившимися, и даже осмѣлилась выглянуть изъ дверей. Я увидала страшное зрѣлище. Вся Большая площадь была завалена обломками крышъ и стѣнъ, при чемъ нѣкоторые дома пылали какъ костеръ. Изъ другихъ частей города поднимались густые клубы дыма и красные языки пламени.

Три дня мадамъ Дютеркъ провела въ погребѣ. Она не знала, что ея мужъ, пріѣхавшій изъ Булони, чтобы спасти ее, наблюдалъ битву съ высоты за городомъ, войти въ который ему не позволяли солдаты. Въ четвергъ утромъ она рѣшилась покинуть свое подземное убѣжище. Смѣлый сосѣдъ принесъ ей новость, что нѣмцы окружаютъ желѣзнодорожную станцію и могутъ войти въ городъ.

— Я не боялась нѣмецкихъ снарядовъ,—сказала она—но я сильно боялась нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ. Вообразите, что ждало бы насъ, если бы они поймали меня съ моей маленькой дочкой. Первый разъ я почувствовала ужасный страхъ и рѣшилась бѣжать изъ Арраса во что бы то ни стало.

Съ дѣтьми и нянькой она прошла по улицамъ, надъ которыми все еще рвались снаряды и съ ужасомъ смотрѣла на разрушеніе вокругъ нея. Ратуша была совершенно разбита, хотя въ то время знаменитая колокольня все еще возвышалась надъ развалинами города, и часы ея били попрежнему среди этой трагедіи.

Мадамъ Дютеркъ рассказала мнѣ все это просто и не сознавая своего блестящаго мужества. Она была одной изъ тѣхъ тысячъ французскихъ женщинъ, которыя переносили ужасъ войны со святымъ героизмомъ, превосходящимъ пониманіе людей. Говорить съ этими француженками было поучительно, и я удивлялся величію ихъ духа.

Я поѣхалъ обратно съ этими бѣженцами. Далеко отъ насъ, около Хазбрука пушки все еще гремѣли, и аванпосты французской кавалеріи на поляхъ все еще ждали появленія враговъ.

Для женщинъ и дѣтей лучше было оставаться въ Аррасѣ подѣ постояннымъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ, чѣмъ находиться въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ деревень по долинамъ Марны и Мааса и въ департаментѣ Сены, черезъ которыя прошли нѣмцы. Лучше было быть убитымъ чистымъ осколкомъ снаряда, чѣмъ испытать гнусное насиліе отъ нѣмецкихъ солдатъ, дьявольскія страсти которыхъ проявились во всю благодаря алкоголю, благодаря первому опьяненію войной и страху, который превращалъ ихъ въ жестокихъ звѣрей.

Я думаю, что именно страхъ и былъ главной причиной тѣхъ звѣрскихъ поступковъ, которыми нѣмецкіе солдаты запятнали честь Германіи въ началѣ войны. Проходя по враждебной странѣ среди населенія, извѣстнаго своей отчаянной храбростью и проникнутаго гордымъ духомъ патріотизма, нѣмецкіе генералы все время опасались партизанскихъ выступленій со стороны крестьянъ, ружейныхъ выстрѣловъ изъ оконъ домовъ, убійства своихъ солдатъ, разставленныхъ по фермамъ, шпіоновъ, скрывающихся повсюду, и вольныхъ стрѣлковъ, преслѣдующихъ нѣмецкую армію при ея передвиженіи. Ихъ учебники утверждали, что всего этого слѣдовало ожидать отъ французскаго населенія, и что такая опасность можетъ быть предотвращена только жестокостью. Прокламации, наклеенныя на стѣнахъ захваченныхъ городовъ, обнаруживали страхъ, равно какъ и жестокость. Мэръ и вліятельные граждане должны служить заложниками. Если хоть одинъ нѣмецкій солдатъ будетъ убитъ, за это послѣдуетъ страшное отмщеніе. Если замѣчена будетъ попытка со стороны гражданъ войти въ сношенія съ французскими войсками или послушаться приказа нѣмецкаго командира, ихъ дома будутъ сожжены, ихъ собственность конфискована и они заплатятъ жизнью за это. Лысые офицеры въ остроконечныхъ каскахъ, смотря такъ угрожающе сурово изъ-подъ своихъ очковъ, таили страхъ въ своихъ сердцахъ и скрывали его подѣ личиной жестокости.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что когда официальные объявленія такого рода были расклеены на стѣнахъ французскихъ деревень, младшіе офицеры и ихъ солдаты стали нервничать, опасаясь того, на что намекалось въ этихъ объявленіяхъ, и, пожалуй, находили совершенно искренно ясныя доказательства заговора, затѣвавшагося противъ нихъ гражданскимъ населеніемъ. По улицѣ деревни прогремѣлъ выстрѣлъ. „Крестьяне стрѣляютъ въ насъ!“ кричитъ нѣмецкій солдатъ неврастеникъ. „Бейте ихъ! Стрѣляйте во всѣхъ, кого ни увидите!“ приказываетъ офицеръ, выучившій твердо свой урокъ жестокости. „Выкуримъ изъ гнѣзда этихъ осъ! Lieber Gott, мы дадимъ имъ хорошенькій урокъ!“

У нихъ имѣлся весь нужный матеріалъ для урока: горючія и легко воспламеняемыя таблетки, заставлявшія пылать домъ менѣе чѣмъ въ пять минутъ, послѣ того какъ ихъ разбросать по полу и коснуться зажженной спичкой—у меня есть образчикъ этихъ таблетокъ—зажигательныя бомбы, дѣйствіе которыхъ было

еще быстрѣе, факелы для того, чтобы пустить огонь по старымъ амбарамъ и тростниковымъ крышамъ. Этотъ матеріалъ для разрушенія не былъ забытъ въ удивительномъ снаряженіи нѣмецкой арміи, и его употребляли во многихъ городкахъ и деревняхъ, гдѣ нѣмецкіе солдаты слышали дѣйствительные или воображаемые выстрѣлы, подозрѣвали предательство со стороны всякой беззубой старухи и были охвачены дикимъ страхомъ, потому что эти французенки, эти старые фермеры и рабочіе и даже дѣти смотрѣли на нихъ съ прирѣньемъ, хранили гробовое молчаніе и не скрывали своей ненависти даже тогда, когда къ нимъ обращались съ ободряющими тевтонскими привѣтствіями. Молчаніе крестьянъ, ихъ мрачные взгляды казались нѣмецкимъ солдатамъ какъ бы злыми чарами, окружавшими ихъ. Это заставляло нервничать и сердило ихъ. Они пришли насладиться плодами побѣды во Франціи или въ лучшемъ случаѣ насладиться жизнью, прежде чѣмъ къ нимъ не придетъ смерть.

4.

Воспоминаніе о насиліяхъ горитъ бѣшеннымъ пламенемъ въ сердцахъ французовъ, горитъ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они превращаются какъ бы въ безумныхъ.

Одинъ мой пріятель, англичанинъ, служившій въ походномъ госпиталѣ при французскихъ войскахъ на Маасѣ, однажды проводилъ ночь въ маленькомъ французскомъ замкѣ съ нѣсколькими изъ своихъ сотоварищей и соотечественниковъ. Разговоръ перешелъ на Англію. Уже насталъ апрѣль и души всѣхъ собесѣдниковъ послѣ десяти мѣсяцевъ войны обращались къ ихъ семьямъ. Они говорили о своихъ матеряхъ, женахъ и дѣтяхъ. У одного изъ нихъ была дома хорошенькая дочка, и онъ прочелъ часть ея послѣдняго письма, смѣясь надъ ея веселыми шутками, ея описаніемъ стараго пони и собакъ, надъ разказами о продѣлкахъ ея чернаго котенка. Остальные собесѣдники тоже разоткровенничались и показали свои чувства другимъ, чего обыкновенно англичане тщательно избѣгаютъ. Въ комнатѣ находился французскій офицеръ, который сидѣлъ очень тихо, слушая эти рассказы. Свѣчи тускло горѣли на столѣ, когда онъ, наконецъ, заговорилъ страннымъ жесткимъ голосомъ.

— Для васъ, англичанъ, пріятно будетъ вернуться домой. Тѣ, которые не убиты здѣсь, будутъ счастливы увидать опять своихъ женщинъ. Вы не хотите умирать изъ-за этого... Если бы мнѣ теперь пришлось вернуться домой, я не былъ бы счастливъ, господа. Я нашелъ бы мою жену и мою дочь въ ожиданіи младенцевъ, отцы которыхъ нѣмецкіе солдаты... Англія не испытала непріятельскаго нашествія.

5.

Самое страшное разрушеніе во Франціи я видѣлъ въ Шампани, когда я ходилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ раньше были де-

ревни Сермэзъ, Гелькъ-ле-Морю, Блемъ и Гюиронъ. Сермэзъ была совершенно сметена съ лица земли. Насколько я могъ видѣть, тамъ не осталось ни одного дома. Не было пощажено ни одной стѣны. Все, что осталось, лежало на землѣ, и только кое-гдѣ торчали изъ груды кирпичей и золы обуглившіяся печныя трубы. Жалкіе остатки домашней обстановки лежали въ грудяхъ пепла, указывая на то, что здѣсь жили люди, цѣнившіе жизненный уютъ. Вывѣска сгорѣвшей гостиницы, дававшей пріютъ многимъ проѣзжавшимъ, лежала бокомъ на массѣ разбитыхъ кирпичей съ надписью до такой степени иронической, что я расхохотался среди развалинъ: „Chauffage central“. „Центральное отопленіе“ по системѣ, изобрѣтенной нѣмцами въ эту войну было слишкомъ уже горячо для гостиницы и сожгло ее до основанія. Полдюжины крестьянъ стояло на одной изъ этихъ „улицъ“, между кучами мусора всякаго рода, гдѣ когда-то были ихъ дома. Нѣкоторые изъ крестьянъ оставались въ своихъ жилищахъ до тѣхъ поръ, пока снаряды не сорвали съ ихъ домовъ печныя трубы. Нѣкоторые изъ ихъ сосѣдей, не спѣшившіе выбратъ, были раздавлены падающими домами. Однако, нужно замѣтить, что разрушеніе домовъ было вызвано не артиллерійскимъ огнемъ. Нѣмцы разбросали по домамъ черныя воспламеняющіяся таблетки и подожгли оконныя занавѣски для того, чтобы устроить иллюминацію въ честь своего отступленія. Сермэзъ превратился въ огненную улицу, и изъ cadaго дома, объятаго тяжелымъ покровомъ дыма, вылетало пламя на подобіе красныхъ змѣй. Крестьяне, спрятавшіеся въ оврагахъ за милою отъ деревни, съ ужасомъ смотрѣли на яркій столбъ пламени, поглощавшей ихъ дома и обстановку, и имъ казалось, какъ будто бы горѣла ихъ жизнь, оставляя за собою только золу и пепелъ ихъ надеждъ и счастья.

— Это былъ мой домъ, — сказалъ одинъ изъ крестьянъ, указывая на развалины. — Я провелъ черезъ порогъ, который былъ здѣсь, мою жену. Она была красивая дѣвушка, съ волосами какъ золото, мосе. Теперь ея волосы стали совсѣмъ сѣдыми въ продолженіе послѣднихъ недѣль. Вотъ, что война дѣлаетъ съ женщинами. Здѣсь много такихъ, посѣдѣвшихъ до времени.

Я видѣлъ этихъ сѣдыхъ женщинъ въ Блемѣ, Гюиронѣ и другихъ деревняхъ, превращенныхъ въ пепелъ. Онѣ безутѣшно бродили среди развалинъ и смотрѣли почти безнадежно на постройку деревянныхъ хижинъ англійскими квакерами, которые явились сюда, чтобы устроить пріютъ для бездомныхъ дѣтей Франціи. Квакеры дѣлали доброе дѣло, одно изъ самыхъ прекрасныхъ дѣлъ въ эту войну, оправдывая названіе своей общины какъ „Общества друзей“. Но хотя они очень ловко справлялись съ постройками, дерево для которыхъ имъ дало французское правительство, всѣ ихъ труды и вся ихъ филантропія не могли вернуть погибшей красоты старыхъ деревень Шампани, выстроенныхъ артистами своего дѣла сто лѣтъ тому назадъ и освященныхъ самимъ временемъ, такъ что камни зданій передавали крестьянамъ рассказы изъ исторіи. Трудно починить старую сѣрую башню церкви Гюирона, черезъ которую съ трескомъ про-

летали снаряды, и вновь воздвигнуть дубовую крышу церкви, балки которой разошлись на подобіе переломанных реберъ въ гнѣющемъ трупѣ.

Вблизи Гюирона стоялъ старый замокъ, въ которомъ знатная французская семья жила цѣлыя столѣтія во время войнъ и революцій. На этомъ замкѣ было много остроконечныхъ шпицевъ, причудливыхъ башенокъ и рѣшетчатыхъ оконъ, выходящихъ въ садъ, гдѣ были бесѣдки и уединенныя мѣста, въ которыхъ дамы мечтали много дней въ великомъ прошломъ исторіи. Когда я проходилъ мимо послѣ того, какъ отсюда ушли нѣмцы, шпицы и башенки обвалились, и вмѣсто рѣшетчатыхъ оконъ зіяли отверстія въ почернѣвшихъ стѣнахъ. Садъ представлялъ изъ себя сплошной хаосъ затоптанныхъ кустарниковъ среди кучъ пепла и изломаннаго желѣза. Пылающій факель уничтожилъ все, что пощадило время, и Гюиронскій замокъ представлялъ изъ себя кладбище красоты...

Въ одной изъ деревни Шампани—я думаю въ Блемѣ—я видѣлъ одну вещь, случайно уцѣлѣвшую тогда, когда все кругомъ лизало пламя поджигателей. Богъ знаетъ почему, она казалась мнѣ въ высшей степени трогательной среди общаго разрушенія. Это былъ маленькій каменный фонтанъ, изъ котораго бѣжала, какъ бы играя, струя воды, падая брызгами въ изукрашенный рѣзными фигурами бассейнъ. Когда пожаръ бушевалъ въ деревнѣ, этотъ фонтанъ игралъ попрежнему и отражалъ багровый свѣтъ пламени въ своей журчащей струѣ. Дѣти многихъ поколѣній плескали руками въ этомъ бассейнѣ. Хорошенькія дѣвушки видѣли отраженіе въ немъ своихъ карихъ глазъ. Въ лѣтніе дни деревенскій людъ гулялъ вокругъ этого символа красоты и граціи. Мнѣ казалось, какъ будто я нашелъ мраморно-бѣлую Венеру среди пыльной кучи на кладбищѣ.

6.

Не мало французскихъ деревень было захвачено страшнымъ ураганомъ нашествія, и не одна бѣдная женщина посѣдѣла въ это время. Въ продолженіе длинныхъ мѣсяцевъ осадной войны на картахъ помѣщалась длинная черная полоса, и эти карты печатались по всему міру изо дня въ день съ удручающимъ образомъ. Интересно было бы знать, многіе ли понимаютъ значеніе этой полосы, обозначающей длину нѣмецкаго фронта во Франціи, и многіе ли представляютъ въ своемъ умѣ черную полосу всѣхъ сожженныхъ и разграбленныхъ деревень въ десять миль шириной. Не менѣе интересно знать, сколько людей, ищущихъ въ газетахъ геройскихъ штыковыхъ атакъ или леденящихъ кровь рассказовъ о томъ, какъ рядовой Джонъ Смитъ въ единственномъ числѣ удерживалъ цѣлый корпусъ съ улыбкой на устахъ, представляли себѣ, хотя бы смутно, бѣгство несчастныхъ жителей этой полосы, страхъ женщинъ и дѣтей, попавшихъ въ эту адскую западню, и отвратительное зрѣлище длинныхъ дорогъ Франціи, гдѣ мертвыя тѣла лежали и гнили подъ дождемъ и

солнцемъ, а жилища крестьянъ представляли развалины отъ Артуа до Лотарингіи.

Духъ разрушенія какъ бы основалъ свое царство по долинахъ Эна и Веля. Это была долина смерти. Въ официальныхъ сообщеніяхъ было упомянуто только нѣсколько деревень, благодаря ихъ стратегической важности, но о сотняхъ селеній, которыхъ коснулась рука смерти и превратила ихъ въ развалины и кладбища, не было сказано ни слова.

Въ маленькихъ поселкахъ дистрикта Викъ-сюръ-Энь, а именно въ Саконенѣ, Пернанѣ, Амблени и Рессонѣ, очаровательныхъ уголкахъ во время мира, гдѣ природа проявила всю свою красоту на берегахъ извивающейся рѣки, и гдѣ само время какъ будто бы спало, французскіе солдаты угрюмо смотрѣли на продавленные крыши, разбитыя стѣны, на искривленные желѣзные части плуговъ, на разбитыя телѣги и на весь хаосъ, причиненный безпощадной войной. Недѣлю за недѣлей нѣмецкіе, французскіе и британскіе снаряды разбивали эти деревни, превращая ихъ въ прахъ и пепелъ. Крестьяне, не желавшіе покинуть свои фермы, попрятавшіеся сначала въ погребахъ, но въ концѣ-концовъ бѣжавшіе, давали мнѣ описаніе происходившаго здѣсь ада двумя—тремя фразами.

Они не жаловались на судьбу—ихъ несчастье ровно ничего не значило по сравненію съ несчастьемъ ихъ сосѣдей. Каждый изъ нихъ зналъ худшій случай, чѣмъ его собственный, и, качая головой, крестьяне говорили, что здѣсь много потерпѣвшихъ больше нихъ.

Лавочники и крестьяне, всѣ, которые бѣжали изъ долинъ Веля и Эна, рассказывали ту же самую монотонную, но страшную повѣсть. Судьба предназначила имъ быть на мѣстѣ смерти. Одинъ старикъ, пришедшій изъ долины Веля, жилъ два мѣсяца среди непрестанной канонады. Онъ видѣлъ, какъ его маленькій городъ брали десять разъ то нѣмцы, то французы.

Когда я услышалъ объ этомъ, я подумалъ: „Вотъ человѣкъ, которому есть что поразсказать!“ Если бы все, что онъ видѣлъ, всѣ ужасы и весь героизмъ, происходившій передъ его глазами, записать точъ-въ-точъ такъ, какъ онъ описывалъ ихъ на своемъ крестьянскомъ языкѣ, его слова читались бы будущими поколѣніями, какъ историческій документъ.

Что же онъ отвѣтилъ на всѣ вопросы относительно его впечатлѣній о пережитомъ? Онъ былъ глуховатъ и, приложивъ правую руку къ уху, долго смотрѣлъ на меня, нѣсколько озадаченный. Наконецъ, онъ вымолвилъ: „Трудно было спать“.

Вотъ все, что онъ могъ сказать, и много крестьянъ походили на него, повторяя какія-нибудь мелочныя подробности о пережитомъ, напримѣръ о потерѣ собаки, или о разбитомъ чайникѣ, какъ будто бы это ставило на второй планъ ихъ дѣйствительныя страданія. Однако, при терпѣніи, мало-по-малу отъ нихъ можно было получить болѣе интересныя свѣдѣнія. Напримѣръ, старикъ изъ Супира разсказалъ мнѣ болѣе живо о пережитомъ. Въ его домѣ остановилось нѣсколько нѣмцевъ, когда ихъ армія прохо-

дила по этой мѣстности. Жители Супира, по его словамъ, были раздѣлены на двѣ группы. Здоровые мужчины были отосланы въ Германію, а женщины и дѣти, захваченныя при отступленіи, были потомъ отпущены послѣ того, какъ нѣсколько дѣтей было убито, и хорошенькія дѣвушки подверглись насилію. Вступивши въ Супиръ, французскія войска нашли тридцать человѣтъ, укрывшихся въ погребѣхъ. Эти несчастные сошли съ ума и плакали, и умоляли, чтобы ихъ оставили въ ихъ убѣжищахъ, такъ какъ они все еще слышали взрывы снарядовъ и боялись смерти. „Война объединяетъ народъ“, говорятъ философы, „Война освобождаетъ народы отъ ихъ пустой гордости“. Если существуетъ дьяволъ— а многіе скептики теперь вѣрятъ не въ одного, а въ сотни тысячъ дьяволовъ— какъ долженъ хохотать старый мошенникъ, слыша такія слова!

7.

Психологъ, странствующій по мѣстности, попавшей въ сферу военныхъ дѣйствій, былъ бы удивленъ при видѣ того, какъ много французскихъ крестьянъ не хотѣло разстаться со своими домами, несмотря на весь ужасъ передъ нѣмецкими снарядами и нѣмецкими солдатами. Въ январѣ 1915 года, когда непріятель внезапно двинулъ свои полчища черезъ холмы Куффи и Круи къ сѣверу отъ Суассона и, благодаря своей подавляющей численности, заставилъ французовъ перейти на другой берегъ Эна въ то самое время, когда разливъ рѣки снесъ много понтонныхъ мостовъ, и путь къ отступленію былъ почти отрѣзанъ, вмѣстѣ съ отступавшими шли огромныя толпы крестьянъ, остававшихся въ этой мѣстности на протяженіи фронта въ пятнадцать миль ширины до тѣхъ поръ, пока они не были прогнаны артиллерійскимъ огнемъ при послѣдней атакѣ, которая отдала развалины ихъ домовъ въ руки нѣмцевъ. За три мѣсяца до этого Круи уже представлялъ изъ себя мишень для пушекъ непріятеля, такъ что едва ли тамъ уцѣлѣлъ хотя бы одинъ домъ.

Тѣмъ не менѣе съ той приверженностью къ своему дому, которая составляетъ наиболѣе сильный инстинктъ въ сердцѣ французскихъ крестьянъ, многіе изъ нихъ жили въ погребѣхъ, получая пищу отъ французскихъ солдатъ. Тамъ они жались другъ къ другу, когда снаряды проносились со свистомъ надъ ихъ головами, и когда ихъ жилища падали и превращались въ жалкія развалины.

Такъ было въ Реймсѣ, Аррасѣ и другихъ городахъ, не избѣгнувшихъ разрушенія, несмотря на великолѣпіе ихъ архитектуры, которая никогда не можетъ быть восстановлена въ ея прежней красотѣ. Только нѣсколько дней тому назадъ я стоялъ на краю величайшаго поля битвы во Франціи и съ наблюдательнаго пункта, устроеннаго на деревѣ, возвышающемся надъ долиной, смотрѣлъ на Реймскій соборъ. Нѣмецкіе снаряды все еще падали вокругъ него, и его огромныя стѣны стояли мрачно въ облакахъ дыма. Девять мѣсяцевъ, какъ Реймсъ подвергался ужасамъ вой-

ны. Шрапнель, снаряды для поджога и чудовищные „котлы“ — marmites — падали въ его предѣлы недѣля за недѣлей, иногда по одному или по два въ день, иногда же цѣлыми потоками, но всегда убивая людей, каждый разъ разбивая нѣсколько домовъ, каждый разъ разрушая какое-нибудь прекрасное произведеніе скульптуры. Тѣмъ не менѣе здѣсь оставались тысячи горожанъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, не желавшихъ оставить свой городъ. Они жили въ погребахъ, куда они перенесли свои кровати и пищу, и когда бомбардировка стихала, они выползали на свѣтъ дня, смотрѣли на вновь разрушенныя зданія и шли по своимъ домамъ, пока слѣдующій ураганъ смерти не заставлялъ ихъ опять прятаться подъ землю.

8.

Болѣе жалкая была участь тѣхъ французовъ, которые жили въ городахъ, занятыхъ непріятелемъ, не подвергавшихся обстрѣлу, какъ въ Лилѣ, Сентъ-Кантенѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ, на улицахъ которыхъ нѣмцы гордо расхаживали въ своихъ остроконечныхъ каскахъ. Въ этихъ многочисленныхъ городахъ они вели себя, по большей части, прилично. Порядокъ среди солдатъ поддерживался съ безпощадной суровостью высшими нѣмецкими офицерами. Тамъ не происходило тѣхъ отвратительныхъ и позорныхъ преступленій, которыми запятнала себя германская армія въ своемъ наступленіи на Марну и отходъ отъ нея. Ни пожаровъ, ни проявленій варварства не было на улицахъ этихъ городовъ. Наоборотъ, всякій нѣмецкій солдатъ, уличенный въ грабежъ, насиліяхъ и пьяномъ безобразіи тотчасъ же разстрѣливался. Но для французовъ была сущая пытка видѣть ежедневно эти полчища вражескихъ войскъ на ихъ улицахъ и въ ихъ домахъ, слышать нѣмецкую рѣчь и повиноваться приказамъ генераловъ, которые прошли черезъ Сѣверную Францію по тѣламъ французскихъ солдатъ, разрушая, сжигая и убивая все, что ни встрѣчалось имъ на пути. Жители захваченной врагомъ части Франціи чувствовали горечь нашествія болѣе остро нежели тѣ, что прятались въ погреба подъ пушечнымъ огнемъ. Они не были ранены, но ихъ души истекали кровью. Они читали сообщенія, наклеенныя по стѣнамъ, о нѣмецкихъ побѣдахъ и о французскихъ пораженіяхъ. Въ ресторанахъ, кафе, и въ своихъ собственныхъ домахъ они были должны служить людямъ, занятымъ убійствомъ ихъ родственниковъ. Трудно было выносить нахальство молодыхъ офицеровъ, которые подмигивали дѣвушкамъ, возлюбленные которыхъ лежали убитыми гдѣ-нибудь между французскими и нѣмецкими окопами.

Отъ одной дамы, которая оставалась семь мѣсяцевъ въ Сентъ-Кантенѣ я слышала рассказъ о томъ, какъ внезапно на городъ обрушилось вражеское нашествіе и захватило врасплохъ населеніе. Прибытіе германскихъ войскъ было полной неожиданностью для населенія, которое до самаго конца не получало никакого предостереженія отъ властей. Французская пѣхота покинула го-

родъ, и осталось только нѣсколько англійскихъ и шотландскихъ солдатъ, которые потеряли свои части въ отступленіи, и тѣ французы, что лежали ранеными въ госпиталяхъ. Непріятель вступилъ въ городъ въ четыре часа дня двадцать восьмого августа, окруживъ его со всѣхъ сторонъ такъ, что ихъ колонны входили съ разныхъ сторонъ. Населеніе, объятая паникой, осталось по большей части въ своихъ домахъ, смотря въ окна на ряды загорѣлыхъ и покрытыхъ пылью солдатъ, шедшихъ по улицамъ. Нѣсколько британскихъ солдатъ, попавшихся такимъ образомъ въ ловушку, рѣшили биться до смерти, которая, какъ они хорошо знали, была неизбежна. Нѣсколько англичанъ и шотландцевъ открыли стрѣльбу по нѣмцамъ, когда они приближались къ главному скверу, и были немедленно убиты. Одинъ изъ нихъ, высокій молодой солдатъ, устроился на углу Place du Huit Octobre и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и быстротой выпускалъ пулю за пулей, такъ что нѣсколько нѣмцевъ было убито и ранено. Нѣмцы установили пулеметъ и направили его противъ одного человѣка, который пытался удержать армію. Онъ упалъ, пронзанный пулями, и былъ разорванъ на куски, когда онъ лежалъ на землѣ.

Въ общемъ нѣмцы вели себя хорошо въ Сентъ-Кантэнѣ. Ихъ законъ былъ суровъ, но справедливъ, и хотя населеніе было принуждено питаться чернымъ хлѣбомъ, однако, хлѣба было въ изобиліи и въ концѣ-концовъ онъ не былъ плохъ. Какъ одна изъ наиболѣе важныхъ базъ германской арміи во Франціи, городъ былъ постоянно наполненъ солдатами разныхъ полковъ, которые оставались въ немъ ненадолго. Тѣмъ временемъ войска, назначенныя для гарнизона, устроились въ городѣ какъ у себя дома. Они открыли много своихъ магазиновъ, булочныя, портняжныя заведенія и мелочныя. Въ виду нарушеній дисциплины и безобразій, которыя случались въ нѣкоторыхъ кафе и ресторанахъ, послѣдніе были отданы подъ надзоръ нѣмецкимъ офицерамъ, при чемъ каждый изъ нихъ выступалъ въ качествѣ *senior moral* ¹⁾ и учителя хорошихъ манеръ.

Мы наталкивались на психологическую загадку всѣхъ этихъ контрастовъ между желѣзной дисциплиной и великолѣпной организаціей, благодаря которымъ подавлялось всякое насиліе въ большихъ городахъ, занимаемыхъ нѣмцами на продолжительное время, и тѣмъ беззаконіемъ и грабежомъ въ деревняхъ, черезъ которыя они проходили съ поспѣшностью, дававшей имъ только возможность проявить жестокое звѣрство надъ невинными людьми. Хотя это и загадка, можно полагать, что она даетъ ключъ къ пониманію нѣмецкаго идеала войны. Тамъ, гдѣ хватало времени установить дисциплину, солдаты вели себя прилично и не осмѣливались нарушать приказовъ своихъ начальниковъ. Только тамъ, гдѣ были даны спеціальныя приказы запугать населеніе, и тамъ, гдѣ младшіе офицеры не могли сдержать своихъ людей или сами показывали имъ дорогу благодаря своей порочности, нѣмцы

¹⁾ Елостителя нравовъ,

солдаты совершали свои звѣрства. Даже въ настоящее время, послѣ всего того, что я видѣлъ въ разрушенныхъ деревняхъ Франціи, я не могу заставить себя вѣрить, что германскій народъ отличается отъ другихъ европейскихъ народовъ звѣрскими наклонностями. Плѣнные, съ которыми я бесѣдовалъ, голубоглазые саксонцы и толстые баварцы, съ которыми я ѣхалъ послѣ битвы при Невъ-Шапель, казались мнѣ удивительно похожими на нашихъ неотесанныхъ парней изъ деревни Соммерсетшира и Девоншира. Ихъ офицеры были вѣжливыми и хорошо воспитанными людьми, въ которыхъ я не замѣчалъ ни признака дьявольской похоти и жестокости. Въ своемъ нормальномъ состояніи они были добродушные люди съ маленькой черточкой тевтонской тяжеловѣсности, заставлявшей ихъ пить много пива, и съ тѣмъ высокомѣріемъ по отношенію къ женщинамъ, которое невыносимо для англичанъ, или, по крайней мѣрѣ, было невыносимо до тѣхъ поръ, пока они не бросили своей старой англійской вѣжливости, когда суффражистки выступили противъ ихъ авторитета.

Всѣ жестокости были совершены нѣмцами въ ненормальномъ состояніи. Въ началѣ войны ихъ кровь была разгорячена жаркими лучами солнца, и въ первомъ упоеніи своего наступленія, опьяненные кровью и французскимъ виномъ, они вдругъ вернулись къ первобытнымъ страстямъ благодаря духу войны, срывающему съ людей всѣ покрывала цивилизаціи и благопристойности, и временно превратились въ дикарей, столь же мало считающихся съ нравственными законами, какъ краснокожій на своей боевой тропѣ. Они принадлежали къ арміи, наступавшей въ непріятельскую страну и проходившей среди враждебнаго имъ населенія; душа войны лишила каждого изъ нихъ его собственной отдѣльной души и вложила въ него чары безумія, такъ что его глаза были налиты кровью, и его чувства были воспламенены похотью. Во время войны съ Наполеономъ въ Испаніи молодые англичане изъ патриархальныхъ и мирныхъ деревень, съ благочестивыми матерями, молящихся за нихъ дома въ сѣрыхъ старыхъ церквахъ, и съ хорошенькими сестрами, поклоняющихся имъ какъ героямъ, были какъ бы очарованы тѣмъ же самымъ колдовствомъ, какъ теперь нѣмцы, и продолжали отвратительныя и ужасныя вещи, которыя впослѣдствіи видѣлись имъ во снѣ и заставляли ихъ пробуждаться въ холодномъ поту отъ стыда и ужаса. Много молодыхъ нѣмцевъ будетъ пробуждаться отъ такихъ же сновъ, когда они вернутся назадъ въ Дюссельдорфъ и Бингенъ на Рейнъ, стараясь убѣдить себя, что они не совершали того, что стало невѣроятнo и непостижимо послѣ ихъ пробужденія отъ кошмара. На короткое время ихъ души были захвачены душой войны, ихъ героизмъ былъ замаранъ безстыдствомъ, и ихъ идеалы были посрамлены варварской жестокостью. Когда они придутъ въ нормальное состояніе, у нихъ будетъ лишь одно извиненіе передъ самими собой: „Это случилось на войнѣ“. Эту фразу человѣкъ повторялъ во всѣ вѣка своей исторіи для оправданія кровавыхъ злодѣйствъ, которыя всегда заставляли его быть лжецомъ по отношенію къ его вѣрѣ и добрымъ богамъ.